

Анастасия Туманова

Дэн Бенимана

Дети Йеманжи

магические тропики

Дэн Бенимана
Анастасия Туманова
Дети Йеманжи
Серия «Магические тропики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63192383

Аннотация

Родителей не выбирают... Бразильская студентка Эва Каррейра учится и живёт под контролем властной и холодной матери. У Эвы нет любимого, ей не позволено иметь друзей. Мать наводит свои порядки даже в мечтах и снах Эвы! Но однажды в жизнь девушки врываются её братья – и Эва оказывается втянутой в опасный водоворот афро-бразильской магии. Ей предстоит сражаться за свою свободу и поднимать на свет такие секреты, которым лучше бы оставаться на дне. Но братья всегда решат проблемы сестры, не так ли? Особенно если они – боги...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

80

Анастасия Туманова

Дети Йеманжи

*«Самое дорогое на свете – это любовь и дружба.
Всё остальное – чепуха, ради которой не стоило*

бы и жить.»

Жоржи Амаду

Барабаны гремели. Их звук – низкий, рокочущий – катился из душной темноты тропического леса. Неровный, пульсирующий ритм волнами расходился во влажном воздухе. Океан вибрировал, исходя, словно кровью, серебристым лунным светом, и сама луна висела над ним – огромная и страшная, как в первый день творения. Ориша¹ спустились на макумбу², приветствуя смертных, и барабанный бой встречал их на берегу.

– Йеманжа³! – крик Нана Буруку⁴ разлетелся по пустому пляжу. – Одойя, Йеманжа! Одойя, сестра моя!

¹ Ориша – «святые». Божества афро-бразильской религии кандомбле, корни которой – в мифологии западноафриканских народностей йоруба, наго и других. Ориша олицетворяют различные явления природы, виды деятельности людей и духовные сущности.

² Макумба – богослужение в кандомбле. Обряд, во время которого ориша спускаются к людям и воплощаются в Дочерях Святых, входящих в транс.

³ Йеманжа (Жанаина) – божество моря, олицетворение женского и материнского начала.

⁴ Нана Буруку – древнейшая ориша, божество разума и знания. Согласно мифологии, владеет глиной и водой, из которых были сотворены первые люди.

В голосе Нана звенела насмешка. Она стояла у самой воды, придерживая подол лилового одеяния. Ветер трепал вуаль из мелкого бисера, открывая тёмное, жёсткое лицо ориша, её холодные глаза, недобрую улыбку победительницы. На груди Нана светилось в лунном свете ожерелье из ракушек-каури.

Над волнами гребнем вздыбилась пена. Йеманжа, Мать всех вод, поднялась из бушующих глубин в своём бело-голубом платье. Моллюски цеплялись за её подол, рыбы и осьминоги бились, запутавшись в складках одежд, жемчуг каплями катился с волос. Лунный свет расстился перед ней сияющей дорожкой. Лицо Йеманжи было спокойным, слегка печальным. Почти безмятежным.

При виде сестры Нана чуть нахмурилась. Но тут же взяла себя в руки.

– Мне жаль, моя дорогая. Но твой муж останется у меня. Он так решил. Я так решила. Так будет лучше для нас обоих.

Йеманжа молчала. Странная улыбка застыла на её губах.

– Это будет лучше для всех! – повысила голос Нана. – Ошала⁵! Ведь это так, не правда ли?

В полосе света появилась высокая мужская фигура в белых одеждах. Ошала стоял не двигаясь, сжимая в руке свой посох. Молчал. Лица его не было видно под нависающим капюшоном.

⁵ Ошала (Обатала) – старейшее божество кандомбле, согласно мифологии – отец всех ориша, олицетворение мудрости, морали и справедливости.

Молчание затягивалось. Нана нахмурилась. Повернулась было к белому силуэту рядом – но от воды донёлся мягкий, спокойный голос:

– Не трудись, сестра. Делай что хочешь. Можно было и не... Огун⁶! Остановись! Сын мой, я приказываю тебе!!!

Огромный нож со свистом воткнулся в песок у самых ног Нана. Рука, метнувшая оружие, дрогнула в последний миг, и лезвие лишь разорвало ожерелье на груди ориша и раскроило подол лилового платья. Ракушки, холодно искрясь в свете луны, посыпались на песок. Медленно-медленно Нана повернула голову.

Чёрный подросток не спеша вышел из тьмы. На его некрасивом лице застыло презрительное, враждебное выражение. Мускулистая рука сжимала второй нож.

– Йе, Огун! – насмешливо приветствовала его Нана. – Ты решил мстить за мать? Ты не слышал её приказания?

Огун молчал. Он не обернулся, когда рядом с ним выросла ещё одна высокая фигура. Второй сын Йеманжи поднял руку – и молния, сорвавшаяся с неба, с треском ударила под ноги Нана. Та невольно отшатнулась, зашипев от ярости. Нож Огуна оплавился, превратившись в почерневший сгусток металла. Шанго⁷ широко ухмыльнулся, блеснув зубами. Он был почти обнажён, и порывы океанского ветра вот-вот

⁶ Огун – сын Йеманжи, мужское божество войны и металла.

⁷ Шанго – сын Йеманжи, божество грома и молний, а также возмездия и справедливости.

грозились сорвать его красно-белую повязку.

– Разве ты не слышал, мальчик, что велела твоя мать? – Голос Нана чуть заметно дрогнул. – Она не хочет мести! И она права!

– Я этого не слышал! – нахально заявил Шанго. Расхохотался, перекрывая барабанный бой, – и сверкающая шаровая молния со свистом пронеслась перед лицом Нана, опалив её вуаль.

– Шанго! – На море поднялась громадная волна. Влажная пена стремительно накрыла молнию, заставив её зашипеть и погаснуть. На лице Йеманжи впервые появился гнев. Под взглядом матери Шанго сделал шаг назад. Опустил голову. Брат что-то вполголоса сказал ему. Шанго, не поднимая глаз, зло огрызнулся сквозь зубы.

– Прекрасно. Ты ещё способна, как я вижу, унять своих сыновей, – ледяным тоном заметила Нана. – Но удержать мужа тебе не под силу, сестра. Ошала уходит со мной.

– Делай как знаешь, – Йеманжа уже скрывалась в глубине вод, и голос её звучал чуть слышно, сливаясь с шелестом волн. Море успокаивалось. Стихал, растворяясь в воздухе, яростный рокот барабанов. Опустевшая лунная дорожка разгладилась и замерцала спокойно, безмятежно.

Некоторое время Нана недоверчиво смотрела на серебряющуюся гладь воды. Затем чуть заметно скосила глаза. Огун и Шанго исчезли. Лишь высокая фигура в белом одеянии с капюшоном неподвижно стояла в двух шагах.

– Что ж, Ошала, нам пора! – В голосе Нана снова зазвенело торжество. – Идём, муж мой. И помни – ты сам этого хотел.

Ошала протянул ей ладонь. Рука его слегка дрожала.

А море меж тем подходило всё ближе, наполняя воздух терпким запахом солёной воды. Холодные брызги падали на кожу. Запах, запах... Разве может море пахнуть табаком – и ещё чем-то сладким, пряным, чужим? Разве может радуга входить дымящимся семицветьем в воду, пронизывая её насквозь, выпадая на берег тёплым, играющим солнечными искрами дождём? Сейчас барабаны взорвут её сердце, а море – накроет с головой. И тяжёлая, гулкая музыка станет её сутью и душой. И тогда она родится заново. Надо только дождаться... Дождаться, когда солёная вода поглотит её и барабанный гром растворится в её крови. Женская песня, прерывистый голос. Низкий, тяжёлый мужской смех. Вот уже сейчас... Сейчас... Сейчас!..

Эва Каррейра очнулась. Перед глазами был белый потолок её комнаты. За окном слышались голоса, радио, шелест колёс: утренняя жизнь в Рио-Вермельо⁸ уже началась. Небрежно скомканное вечернее платье Эвы свешивалось с подоконника, напоминая увядший лепесток чайной розы. На столе, среди кистей и баночек с красками валялись украше-

⁸ Рио-Вермельо – квартал в приморской части бразильского города Баия (штат Салвадор)

ния: опаловые серьги и перстень. Мать принесла их вчера, за час до праздника, и настояла на том, чтобы дочь непременно их надела. Браслет из того же гарнитура был всё ещё на запястье Эвы. Раздеваясь перед сном, девушка не смогла его снять: слишком сложным оказался замок.

На вчерашнюю вечеринку Эве смертельно не хотелось идти. Но мать сказала, что это важно для отцовского бизнеса, что его партнёры тоже будут с семьями и что, в конце концов, в восемнадцать лет не появляться на вечеринках смешно! Люди могут подумать, что у четы Каррейра вообще нет дочери! Можно запирается в четырёх стенах, если ты уродлива, толста, глупа и неуклюжа! Но Эва такая красотка, и почему не оказать отцу услугу, не позволить ему похвастаться взрослой дочерью? Вспомнив эти слова матери, Эва невесело усмехнулась. Отказаться от праздника ей было попросту невозможно. Ведь ради того, чтобы передать приглашение, мать даже заговорила с ней! Заговорила впервые за полгода. Впервые после смерти бабушки.

Отца Эва видела очень редко, хотя всё ещё жила с родителями в одной квартире. Бизнес дона Каррейра – недвижимость, строительство и ремонт – требовал его целиком, и отец появлялся дома лишь поздно вечером. Даже в детстве Эвы отец никогда не ходил с ней гулять, не интересовался её успехами в школе, не спрашивал о друзьях. Этот высокий и худой человек с кожей цвета корицы и седеющими курчавыми волосами очень редко заходил в её комнату, и Эва

всегда испытывала при этом неловкость. Впрочем, дон Каррейра надолго не задерживался у дочери. Заходя, он оглядывал близорукими, всегда печальными глазами беспорядок на письменном столе, статуэтки ориша, книги, рисунки и постеры на стенах. Глядя в напряжённое лицо дочери, улыбался – слабо и растерянно, словно не понимая, кем ему приходится эта девочка. И, так и не вспомнив, зачем появлялся, уходил, аккуратно прикрыв за собою дверь. Эве тоже никогда не приходило в голову поговорить о чём-то с этим чужим человеком. Она знала: отец не сможет защитить её от матери. Помешать доне Каррейра устраивать судьбу дочери не рискнул бы никто.

Стоило подумать о матери – и она вошла в спальню: светлая мулатка с выпрямленными волосами до плеч, стройная, высокая, в офисном костюме с белой блузкой, в туфлях на шпильках. Дона Нана Каррейра казалась старшей сестрой собственной дочери.

– Эвинья, почему ты ещё в постели? Ты опоздаешь в школу! Выпускной класс – это очень серьёзно!

– Ещё полтора часа, – напомнила Эва, уже зная: её ждёт важный разговор. Беседы с дочерью дона Каррейра считала недопустимой растратой делового времени. И раз уж она выделила Эве несколько минут, значит, причина для этого была серьёзной.

Мать подошла к окну. Поморщившись, переложила скомканное платье на стол.

– Почему ты так небрежна? Это платье стоит... даже не хочу говорить сколько! И украшения раскиданы по столу... Неужели трудно было убрать на место? Ты, надеюсь, ничего не потеряла? – Мать сдвинула тонкие, умело выщипанные брови. – Эва, меня пугает твоё отношение к вещам! Ты слишком легкомысленна! И, боюсь, совершенно не думаешь о том, каких трудов нам с отцом стоит одеть тебя, купить все эти вещи и...

– Я не просила ничего этого покупать, – ровно сказала Эва. – Ни платья, ни украшений.

– Ты глупа и неблагодарна, – холодно бросила мать. Помолчала немного, посмотрела на статуэтку ориша Эуа⁹, стоящую на полке. Перевела взгляд на незаконченную акварель на столе: Йеманжа поднимается из морских глубин в спирали пенных кружев. Брезгливо поморщилась.

– Тебе давно пора выбросить из головы эту чушь!

По спине Эвы немедленно побежали мурашки, а сердце испуганно сжалось. К счастью, у доны Нана было мало времени, и она лишь пренебрежительно махнула рукой.

– Впрочем, я хотела поговорить с тобой о другом. Тебе понравилась вечеринка?

Мурашки превратились в отчаянный озноб. От страха Эва ответила чистую правду:

⁹ Эуа (Эва) – женское божество пограничных состояний, превращений, любых трансформаций, а также дождя. Считается покровительницей творческих профессий.

– Было скучно. И у меня болела голова.

Дона Нана глубоко вздохнула, подняв глаза к потолку. А Эва вдруг поняла, что с трудом может восстановить в памяти вчерашний праздник. Она много выпила? – нет... Полбокала шампанского, и тот по настоянию матери: вино Эва не любила. Что же там произошло? И отчего весь вечер у неё так кружилась голова, так тяжело было на сердце и так страшно хотелось уйти? Почему она почти ничего не помнит? Эве смутно вспоминалась огромная веранда богатого дома в Амаралине¹⁰, грохот музыки, бассейн во дворе, вокруг которого прогуливались мужчины в вечерних костюмах и женщины в платьях-коктейль. Столики, официанты, вино в мерцающем хрустале... Отец провозгласил тост за мать: «За необыкновенную женщину, без которой я никогда не стал бы тем, чем стал!» Хохот, аплодисменты. Мать стояла рядом с мужем, улыбаясь своей специальной улыбкой для торжественных случаев. Эва тогда тоже похлопала вместе со всеми. Она изо всех сил старалась казаться весёлой, зная, что мать потом не простит ей «кислого вида». Улыбалась партнёрам отца, оглядывающим её с ног до головы («Надо же, как выросла малышка Эвинья!»), с кем-то танцевала, смеялась, разговаривала... а голова отчаянно кружилась, и в висках стучало, билось барабанной дрожью лишь одно: куда пропала Ошун?

Заморочить матери голову не удалось.

¹⁰ Амаралина – богатый приморский район Баии.

– Скучно? Болела голова?.. Неужели? А мне, напротив, казалось, что тебе было очень весело! Ты танцевала самбу на краю бассейна сразу с двумя молодыми людьми...

– Я?!.

– ...потом ушла куда-то с третьим – и я еле нашла вас в саду! Вы целовались, и твоё платье, знаешь ли, было в полном беспорядке!

– Что?..

– ...а после ты собралась ехать с молодым Маскареньясом кататься на его кабриолете по Авенида Океаника – но тут уж, прости, я вмешалась и не пустила вас никуда! Кто бы мог подумать, Эвинья! Полагаю, что вместо шампанского ты пила кайпиринью¹¹! И не один бокал! Мне и в голову не могло прийти, что ты можешь так себя вести!

Онемев от ужаса, Эва смотрела на мать. Она танцевала самбу с незнакомыми парнями? Целовалась с кем-то в саду чужого дома? Собиралась ехать куда-то кататься, пьяная?! Она, Эва, которая не выносила даже запаха крепкого спиртного и за все свои восемнадцать лет не выпила ни одного коктейля?! Она, у которой никогда не было даже поцелуев?!

Мать, однако, вовсе не казалась рассерженной.

– Что ж, в твои годы почему не пококетничать с молодыми людьми? Надеюсь, тебе не пришлось в голову рассказать им о своих глупостях? – она небрежно указала на стол с неокон-

¹¹ Кайпиринья – крепкий коктейль из кашасы или рома, лайма и тростникового сахара

ченными рисунками.

– Мама, ты опоздаешь в офис... – осторожно напомнила Эва, изо всех сил стараясь казаться спокойной. Мысли разрывались от беспомощного страха. Если всё вчера было так, как говорит мать, то почему она, Эва, ничего об этом не помнит? Что с ней случилось? Чего она выпила?! Неужели кто-то в самом деле для смеха подменил её шампанское кайпириньей?..

– Не смей мне дерзить, нахалка! – резко оборвала её мать. – Поскольку ты сама глупа, как пробка, мне приходится устраивать твою жизнь! И ты должна быть мне благодарной за это, слышишь?

– Слышу. – Голова Эвы по-прежнему кружилась. К горлу волнами подкатывала тошнота.

– Прекрасно! – донна Нана, казалось, не замечала того, что творится с дочерью. – Вчера на вечеринке были трое молодых людей. Габриэл, сын донна Маскареньяса – высокий брюнет, довольно хорош собой. Витор, сын профессора Мендонсы – коряв, довольно неуклюж, но умён. И Маркус, если не ошибаюсь. Мальчик сеньора Гедеса – того, у которого контрольный пакет акций «Банко Национал». Они все с тобой танцевали.

Эва на всякий случай кивнула.

– Кто из них тебе больше понравился?

Эва вытаращила глаза на мать, забыв на миг даже о тошноте.

С минуту в комнате было тихо.

– Боже, Эвинья, нельзя же быть такой дурой! – наконец, с отвращением изрекла дона Нана. – Я задала тебе вопрос – потрудись на него ответить!

– Но... почему?..

– Потому что мы с отцом считаем, что тебе пора задуматься о замужестве. И замужество это должно быть удачным и взаимовыгодным.

«Я, наверное, ещё не проснулась», – в страхе подумала Эва.

– Эвинья, ты должна понимать, что не можешь всю жизнь висеть у нас на шее! – Мать принялась расхаживать по комнате. – Мы сделали для тебя всё, что могли. Ты получаешь престижное образование и в этом году оканчиваешь школу. Безусловно, отец может предоставить тебе работу у себя. Но я считаю, что «Луар» не может себе позволить держать некомпетентных и ленивых сотрудников! Ты не оправдала моих ожиданий, отказалась готовиться в университет, и блестящего юриста из тебя, увы, не выйдет.

Эва безмолвно выдержала презрительный материнский взгляд.

– Как видишь, я умею здраво смотреть на вещи. И признавать своё поражение. У меня ничего не вышло. Ты, девочка моя, полнейшее ничтожество. Но я как мать обязана, тем не менее, устроить твою судьбу! Я показала тебя вчера трём молодым людям. Мне кажется, ты произвела огромное

впечатление на них всех, так что можешь выбирать. Кто из них тебе больше понравился?

Эва молчала, оглушённая этим «я показала тебя».

– Безнадёжная дура, – вздохнув, подытожила мать. – Я ещё понимаю – не интересоваться юриспруденцией... Но не интересоваться юношами из обеспеченных семейств?! – Дона Нана встала, взглянув на часы. – Эвинья, мне в самом деле пора ехать. Подумай о моих словах. Время у нас есть: ты должна всё же окончить школу. Невеста без образования никому в нашем кругу не нужна. А уже после этого... Но постарайся определиться заранее: твоё согласие необходимо мне для бизнеса. Скажи мне, кто из молодых людей тебе больше по нраву – и вы начнёте встречаться, общаться, выезжать вместе и всё прочее. Я бы поставила на Габриэла Маскареньяса, но отец почему-то считает, что ты должна выбрать сама... А через год уже оформим официальные документы. Кстати, тебе это тоже будет выгодно: думаю, муж позволит тебе заниматься твоей мазнёй. Жена, увлекающаяся искусством, – это модно. И вставай уже, наконец! Сколько можно валяться?!

Не дождавшись ответа, мать вышла из комнаты. Хлопнула дверь. Эва осталась одна справляться с тошнотой. Справиться не удалось: девушка успела лишь отбросить подальше вечернее платье, чтобы не испачкать его.

После приступа рвоты стало легче. Отдышавшись, Эва кое-как поднялась с постели. Шатаясь, подошла к огромно-

му шкафу у стены. В зеркальной, от пола до потолка, двери отразилось измученное лицо юной мулатки цвета кофе с молоком: причём кофе было значительно больше. Мать, у которой долю африканской крови выдавал лишь слегка приплюснутый нос, всегда морщилась, глядя на дочь. По мнению доны Нана, эти большие карие глаза, улыбка, показывающая два ряда идеально ровных зубов (ни разу за все её восемнадцать лет Эве не понадобился дантист), круглый маленький подбородок и копна чёрных вьющихся кудрей, которые Эва отказывалась выпрямлять, говорили о вульгарности и неудачном смешении кровей. Эва привычно не спорила с матерью – даже тогда, когда выросла и начала, пересекая Авениду Океаника, останавливать уличное движение.

«Эвинья! Ну что это за бёдра, почему они у тебя вихляют-ся? Ты понимаешь, что такая походка просто неприлична? Что это за самба на ходу, это отвратительно! И нос твой... О-о, только хуже становится с каждым годом! Может, подумаешь о хирурге? Нельзя же носить на лице такую... гуяву!»

Но мысли опластической операции приводили Эву в ужас, и она с криками отказывалась. Мать морщилась, но почему-то не настаивала.

Выходит, не настолько она дурна, думала Эва, вяло разглядывая себя в зеркало. Выходит, сразу три молодых человека готовы на ней жениться. Несмотря на то, что она вчера непостижимым образом напилась до потери памяти и вела себя как последняя шлюха... Но, разглядывая в зеркале свои

небольшие круглые груди, бёдра (в самом деле чуть широковатые), свалявшиеся во сне кудряшки, – Эва понимала: всё дело не в ней, а в деньгах отца. Она могла быть чёрной, как сапог, с задом, похожим на чемодан, и с лягушачьими губами – и всё равно брак с сеньоритой Каррейра был бы грамотным вложением средств. Что ж... Так устраивают свою жизнь все люди из высшего круга общества. Эва слышала об этом с пелёнок. И всё же сейчас она не чувствовала ничего, кроме горечи. И понимала, что мать права. Что она, Эва Каррейра, не годится ни на что, кроме выгодного замужества. И всё, что из неё может получиться – наряженная кукла в роскошной чужой гостиной.

Эва не стала завтракать, опасаясь, что тошнота вернётся. Надела школьную форму: синюю юбку, кипенно-белую блузку и жилет. Зная, что мать давно ушла, тем не менее, с опаской покосилась на дверь – и вытащила из-под кровати сумку с рисунками. Сегодня была пятница: день, когда Эва сдавала работу.

За неделю ей не так много удалось сделать: четыре акварели ещё сохли на подоконнике. Готовых было всего три: вид пляжа со стороны маяка, церковь Розарио-дос-Претос в утреннем свете и Эшу¹², сидящий на корточках с сигарой в ухмыляющемся рту. Это были обычные рисунки, сделанные на продажу, для туристов. Один магазинчик на Пелоуриньо

¹² Эшу – мужское божество-трикстер, хозяин замков, дорог и перекрёстков. Классический «возмутитель спокойствия».

принимал их за небольшую плату.

Эва аккуратно переложила рисунки газетами, сложила их в старую папку, застегнула молнию. Её опаловый браслет зацепился за замочек – и вдруг порвался. По полу рассыпались мерцающие камешки. Ахнув, Эва бросилась на колени и начала собирать их, лихорадочно прикидывая: успеет ли она отнести браслет в ювелирную мастерскую и починят ли его до вечера. Ей было страшно даже представить, что и каким тоном скажет ей мать, узнав об испорченном украшении!

Один из камешков закатился далеко под кровать, и Эва провозилась несколько минут, отыскивая его там в пыли и темноте. Выбравшись на свет с беглецом в ладони, девушка вдруг поняла, что этот опал не такой, как другие. Слишком большой, шероховатый, овальный, а не круглый, он был заметно тяжелее остальных камней. Изумлённая Эва подошла к окну, повернула странный опал к свету. И, ахнув, выронила его.

Это был тот самый... Тот же самый камень! Вот почему она почти не помнила вчерашней вечеринки! Вот почему мысли были словно забиты ватой! Вот почему она не могла спорить с матерью! Вот откуда эта тошнота!!!

Голова Эвы мгновенно перестала кружиться. Из мозга словно выдернули иглу. Ясным и чистым сделалось сознание, рванулись прочь, как сквозняк, тягостные, горькие мысли. Эва глубоко, всей грудью вздохнула. Медленно улыбнулась. И уже без страха взяла опал в руки.

На её ладони лежал простой, не драгоценный камешек величиной с женский ноготь. Формой «опал» напоминал кофейное зерно с такой же продольной впадинкой посередине. С одной стороны он был матово-серый, с другой – молочно-белый и как будто дымился. Эва со страхом вспомнила, что, если заглянуть в эту молочную глубину, то увидишь неспешное кружение воды, медленный, засасывающий водоворот, мутную зыбь. От этого надо было решительно избавиться. И делать это Эве уже приходилось.

Держа камень двумя пальцами, словно отвратительное насекомое, Эва отнесла его на кухню. Там взяла из ящика металлический молоток для отбивания мяса – и со всей силы ударила по фальшивому опалу. Раздался сухой треск. На плитки пола посыпалась коричневатая пыль: как и в прошлый раз, «камень» оказался скатанным из глины. Эва засмеялась, собрала пыль в пригоршню, высыпала её за окно и, подхватив рюкзак и папку, вышла из дома в ясное утро. В душе её больше не было ни тоски, ни отчаяния, ни горечи. Осталась лишь спокойная и весёлая уверенность в том, что ни за кого из вчерашних молодых людей она не выйдет замуж. Потому что не хочет этого.

К изумлению Эвы, магазин «Мать Всех Вод» на площади Пелоуриньо оказался закрыт. Это был самый обыкновенный магазинчик для туристов, обычно забитый народом. В витрине стояли статуи Йеманжи, Шанго и Огуна. У дверей посетителей встречал гипсовый Ошала в белых одеждах с ри-

туальным посохом, а на прилавке и на стеллажах были выставлены большие и маленькие изображения ориша вперемежку с амулетами, ритуальными одеждами Дочерей Святых, веерами, фигурками животных из чёрного дерева, бусами, свечами и прочей сувенирной чепухой. Но Эва знала, что, если зайти в магазин с чёрного хода, то попадёшь в лавку, где стоят клетушки с голубями и петухами, ящики с раковинами-бузиос¹³ и сушёными плодами. Всё это покупалось теми, кто исповедовал кандомбле и делал подношения, которые просили для себя ориша. Эва знала: таких в Баие достаточно, хотя мать презрительно называла макумбу «дешёвым цирком для нищеты». И ещё ни разу Эва не видела этот магазинчик закрытым: тем более, в пятницу, день Йеманжи.

На всякий случай она обошла магазин кругом, заглянула во внутренний двор. Задний вход тоже оказался закрыт, и на крыльце его стояла толстая чёрная женщина – с виду растерянная не меньше, чем Эва. Подёргав ручку, она в недоумении отступила, пробормотала:

– Неужто Жанаина больна?.. Где все дети? – и ушла. Эва вернулась к главной двери, постучала ещё раз. Никто не открыл. Гипсовая Йеманжа смотрела из витрины грустно и внимательно.

– Куда пропала Ошун? – шёпотом спросила у неё Эва. – Где моя подруга, Мать всех вод?

¹³ Бузиос – раковины-каури, традиционно используемые для гадания в кандомбле

Йеманжа молчала.

Ошун появилась в художественной студии «Ремедиос», где Эва занималась живописью, месяц назад. Был дождливый день, капли монотонно барабанили по окнам, а сонные студенты уныло срисовывали натюрморт из медного кувшина с фруктами. Ошун вошла в сопровождении местре Освалду, – тоненькая, точёная, чёрная, как эбеновая статуэтка, в дешёвом жёлтом платье на обтрёпанных бретельках, в разбитых босоножках, – и студию словно залило ярким солнечным светом. Воцарилась мёртвая тишина. Кто-то уронил карандаш, кто-то шёпотом выругался от восхищения. Все до одной головы повернулись к дверям, – где спокойно, купаясь в свете собственной красоты, стояла Ошун – их новая натурщица.

«Ремедиос» была самой известной и самой дорогой художественной школой в Баие. В ней занимались юноши и девушки из известных и богатых семей. С ними работали высокопрофессиональные преподаватели и позировали красивые натурщики. Но такой модели, как Ошун, в этих стенах не было ещё никогда.

Красавице-негритянке было, наверное, чуть за двадцать. Длинная шея, изящная головка, облако вьющихся волос, небрежно прихваченных дешёвой заколкой. Несколько серебряных браслетов на запястьях – Ошун забыла их снять, когда небрежно сбросила с себя платье и вошла на поста-

мент для натурщиков. Она была ослепительна. Шоколадная кожа, гладкая и блестящая, казалась светящейся изнутри. Хрупкие плечи. Круглые, крепкие, широко расставленные груди. Тонкая талия, которой позавидовала бы сама Илди Сильва¹⁴. Бёдра – широкие, сильные, пленительно очерченные. Мужская часть студии потеряла способность дышать. Эва видела, как парни смотрят во все глаза на эту чёрную Венеру, застывшую на постаменте, нервными движениями ищут свои карандаши – и не могут их найти... А Ошун стояла, как ни в чём не бывало, профессионально застыв в заданной позе – довольно трудной: с закинутыми руками и высоко поднятой головой. И, казалось, что само солнце, пробив серые тучи, вошло в «Ремедиос» – и осталось там.

Наконец, все пришли в себя, похватали карандаши и мелки, принялись рисовать. «Она и в самом деле – Ошун¹⁵», – восторженно подумала Эва, но не решилась сказать это вслух. В студии никто, кроме неё, не интересовался кан-домбле.

Час пролетел как одно мгновение. За всё это время Ошун ни разу не пошевелилась. Все в студии знали, как это нечеловечески трудно, и лишь уважительно переглядывались между собой. А когда местре Освалду объявил, что достаточно

¹⁴ Илди Сильва (род. 1986 г.) – бразильская актриса, звезда сериалов «Время женщин», «Тропический рай», «Гнездо жёлтого дятла». Уроженка штата Салвадор.

¹⁵ Ошун – женское божество любви, молодости и красоты. Одна из жён Шанго.

мучить сеньориту и сеанс окончен, – все повскакали с мест и бросились к новой модели. Кто-то подавал руку, помогая Ошун спуститься с постамента, кто-то накидывал ей на плечи халат, кто-то спрашивал, какой кофе она любит, а кто-то уже нёсся в кафетерий вниз. Вскоре смеющаяся Ошун сидела за столом и пила кофе. Рядом ждал стаканчик фруктового мороженого и дымящаяся сигарета, а вокруг столпились восхищённые студенты.

«Ну, что у вас получилось, дети мои? – лукаво спросила она, допив кофе. – Дайте-ка я взгляну – стоило ли на вас тратить силы?»

Ошун пошла по рядам, сопровождаемая смеющейся свитой из парней, разглядывая каждую работу и непринуждённо делаясь впечатлениями. С первых же её слов Эва поняла, что девушка эта – не из богатой и даже не из образованной семьи. Совершенно не их круга была эта манера слишком громко говорить, неправильно строить фразы, весело смеяться и широко улыбаться в лицо собеседнику. И жёлтое платье Ошун было дешёвым, поношенным, с оборванной бахромой на подоле. И серебряные браслеты с блестящей заколкой стоили сущие гроши. И кожа пахла морской солью и потом, а не французскими духами... Вряд ли Ошун когда-нибудь была в театре или читала книги. Вероятно, и в школе училась совсем недолго. И жила, скорее всего, в Нижнем городе, рядом с портом... Прежде Эве доводилось общаться с такими людьми только на ферме у бабушки. И

сейчас она подумала, что именно у бабушки – а не здесь, в элитной художественной студии, среди лощёных молодых людей, – Ошун выглядела бы естественнее.

Девушки, которых в студии, кроме Эвы, было три, восторгов парней не разделяли. Витория брезгливо придержала подол платья, когда Ошун нечаянно задела его юбкой. Некрасивая, чёрная, как ворона, Мария пристально смотрела в окно всё время, которое Ошун стояла рядом с её работой, и нарочито отмахивалась от сигаретного дыма. Аута-Роза улыбалась надменно и почти презрительно, разглядывая свои розовые, отполированные ногти. «Надутые дуры,» – подумала Эва, улыбаясь Ошун. К её изумлению, та блеснула в ответ белыми зубами:

– Ой, дорогая моя, ты права!

«Неужели я вслух это сказала?!» – перепугалась Эва, панически оглядываясь на подруг. Но те, судя по всему, не услышали вырвавшейся у неё фразы. А Ошун расхохоталась на всю студию, запрокинув голову и тряся волосами, из которых пулей вылетела под ноги Витории заколка. Витория нервно убрала ногу, и заколку подхватил Гильермо Сантос:

– Прошу вас, сеньорита!

– Просто Ошун, мой милый, просто Ошун... О-о, а вот это – лучше всех! Я не больно, конечно, разбираюсь, но здесь я просто красотка! – зажжённым концом сигареты она указала на работу Эвы. – Шикарно, правда же, а?

– С-спасибо, мне приятно... – пробормотала Эва, которая

точно знала, что она – вовсе не самая лучшая в студии. Признанный талант – Гильермо – явно чувствовал себя уязвлённым. Сам он дождался лишь небрежного «миленько!» – когда Ошун проходила мимо.

Вскоре вернулся местре Освалду, удивился тому, что в студии всё ещё полно народу, и живо выгнал всех под дождь. Ошун, хихикая, выбежала вместе со студентами, со смехом отвергла одно за другим предложения сходить в ресторан, в кино, на шоу капоэйры и на выставку Матисса – и весело предложила Эве:

– Погода паршивая, идём в кафе? Я сегодня заработала, угощаю!

Растерянные парни умолкли, переглядываясь. Затем Гильермо, неприятно ухмыльнувшись, процедил:

– Похоже, у сеньориты нетрадиционные предпочтения? Эвинья, я бы на твоём месте поостерёгся...

Эва не успела ни возмутиться, ни вступить за новую знакомую. Вихрь из жёлтого платья и вьющихся волос пронёсся мимо неё. Ошун оказалась прямо перед Гильермо – и стремительным движением схватив его за мотню. Тот заорал от неожиданности, другие парни отшатнулись. А Ошун, улыбнувшись, приблизила своё лицо к растерянной физиономии Гильермо и очень ласково сказала:

– Я не лесбиянка, чибунго¹⁶! Ещё раз скажешь такое – яйца понесёшь домой в разных карманах! Впрочем, – она

¹⁶ педераст

презрительно усмехнулась, – Поместятся и в одном! Вот в этом! – Коричневый пальчик с покрашенным ноготком ткнул в крошечный декоративный карман на рубашке парня. Послышались смешки. Гильермо вырвался с пылающим лицом. Не помня себя замахнулся. Ошун с готовностью сбросила босоножку с острым каблуком и взяла её на отлёт... но тут все пришли в себя, загомонили, двое парней увлекли в сторону Гильермо, остальные скомканно извинились и поспешили уйти, оглядываясь через плечо.

– Ты это напрасно, – заметила Эва, вновь обретя способность говорить. – Сантос может пожаловаться в дирекцию, останешься без работы.

– Ну, так найду другую! – беззаботно отозвалась Ошун, держась за плечо Эвы и натягивая босоножку на мокрую от дождевой воды ступню. – У меня ещё не кончился контракт с модельным агентством: с голоду не умру! Не давать же себя оскорблять! Идём есть мороженое, дорогая! Или возьмём вина, выпьем за встречу? Или кашасы¹⁷?

От вина и тем более кашасы Эва отказалась и, оказавшись в маленьком кафе на площади, попыталась сама заплатить за своё мороженое – чем повергла Ошун в страшное негодование:

– Дорогая, если я сказала, что угощаю, – значит, так оно и есть! Кстати, ананасовое в этом месте – дерьмо, возьми лучше манго-шоколад! Ману, милый, принеси! – обратилась она

¹⁷ Кашаса – тростниковая водка

к чёрному пареньку-официанту с той же ласковой интонацией, с какой полчаса назад говорила с богатыми студентами. Мальчишка сверкнул улыбкой, убежал. А Ошун поставила на стол локти, положила на сцепленные кисти подбородок и широко улыбнулась:

– Ты в самом деле талантливее их всех! Я так и знала!

– Откуда?! – поразилась Эва, которая могла бы поклясться, что видит эту чёрную храбрую красавицу впервые в жизни. Но Ошун лишь улыбнулась ещё шире:

– Сколько тебе лет, милая? Восемнадцать? О-о, так ты уже настоящий художник! Зарабатываешь этим?

– Нет, – с сожалением созналась Эва, – Мать мне никогда не позволит...

– Дорогая, у меня для тебя сюрприз! – таинственно понизив голос, проворковала Ошун. – Ты взро-о-ослая! Ты свободна делать что хочешь!

Эва только грустно улыбнулась.

– У тебя есть братья или сёстры? – вдруг спросила Ошун.

– Нет. Никого нет, – пробормотала Эва, чувствуя, что к горлу подступает комок. Ошун сочувственно покачала головой. Глядя в упор блестящими глазами, спросила:

– Ты уверена?

Эва изумлённо подняла глаза. Конечно, она была уверена. Братьев и сестёр у неё не было. Не было даже подруг. Дона Каррейра легко, жёстко и уверенно пресекала все дружеские связи дочери. В детстве Эва, как и все, приглашала к себе

школьных приятельниц, и мать не запрещала этого делать. Но после, когда подруга уходила домой, будничным голосом замечала:

«По-моему, Эвинья, Кармела тебе завидует. Ты видела, как она разглядывала твой компьютер? У неё самой такого никогда не будет! Как бы она не начала говорить о тебе гадости за спиной!»

«Эвинья, я ничего плохого не хочу сказать о Марии, но она невыносимо вульгарна! Что это за красное платье с синими кроссовками? Почему она хохочет так, что потолок трещит? Над тобой посмеются, если ты будешь появляться рядом с ней!»

«Эта Нина – милая девочка, но, к несчастью, совершенно глупа. Напрасно ты заговорила с ней о Пикассо: ей было попросту скучно! Думаю, она ни одной книги в своей жизни не прочла! Разве ты не можешь общаться с кем-нибудь поинтереснее?»

После таких слов было немислимо приглашать подруг снова. Девочки обижались, отдалялись, находили себе новых знакомых. Эва расстраивалась, но поделать ничего не могла. Она страшно, до тошноты и головокружения, боялась своей матери.

Эве было двенадцать, когда она понакомилась с Габриэлой Эмедиату: та приехала из Ресифи и поступила в ту же школу, где училась Эва. Габриэла была весёлой, смелой и красивой, а самое главное – любила рисовать. В первый же

день она, восхищённо ахая, пересмотрела все рисунки Эвы, какие только нашлись у той в рюкзаке, а на следующий день притащила в школу пачку своих. Габриэле чудесно удавались цветы, птицы и деревья. Огромные бабочки. Разноцветные ящерицы. Эва пришла в восторг. Несколько месяцев девочки были неразлучны. Сидели рядом на школьных уроках, гуляли по городу, ели мороженое и фрукты, заходили на пляжи. Говорили о книгах, о художниках, о мальчишках, о капоэйре, которую Габриэла обожала, о стихах и музыке, о невыносимой Мариалве да Контас, которая воображает о себе невесть что лишь потому, что её отец работает в мэрии, – и были счастливы. Эва побывала в гостях у Габриэлы – и вышла оттуда счастливая и с гудящей головой: у подруги оказалось три брата и две сестры, которые не замолкали ни на минуту и постоянно требовали к себе внимания! В огромном доме царил страшный бардак и бегала из комнаты в комнату куча народу. Пахло печеньем, кофе, красками и растворителями, повсюду валялись скомканные вещи. В одной комнате под беримбау¹⁸ занимались капоэйрой. В другой – рисовали мелками, лёжа на полу. В третьей – до хрипоты спорили об эстетике Ди Кавальканти. В четвёртой – пили кофе. На кухне трое детей делали уроки, а на плите в огромной мятой кастрюле варилась фейжоада¹⁹ на всех. Дона Фернанда,

¹⁸ Беримбау – музыкальный инструмент для аккомпанемента в капоэйре

¹⁹ Фейжоада – популярное на севере Бразилии блюдо из чёрной фасоли и любых видов мяса.

мать Габриэлы, высокая и худая мулатка, долго и с интересом рассматривала рисунки Эвы и, качая головой, серьёзно говорила о том, что из Эвы получится настоящий художник.

Никогда Эва не видела такого в чистом, пустом, зеркально убранном доме родителей. Никогда ей не было так интересно и весело. Вернувшись домой, она рассказала матери о новой подруге и попросила разрешения пригласить Габриэлу к себе.

Габриэла пришла. Мать казалась на удивление любезной, угостила девочек какао с пирожными, долго задавала Габриэле вопросы об её семье. Эва, впрочем, успела заметить пренебрежительную гримасу на лице матери, когда Габриэла сказала, что её родители – художники. Вечером, когда подруга ушла, Эва приготовилась к схватке с матерью. На этот раз она намеревалась стоять до конца и сохранить отношения с Габриэлой. Видимо, мать это почувствовала – и ни одного дурного слова не сказала о новой подруге дочери. Но наутро донна Нана заявила, что у неё пропал золотой браслет, – и потребовала телефон родителей Габриэлы.

Эва, сидя в своей комнате, напряжённо ожидала конца разговора. В горле словно застрял острый камень. Она была совершенно уверена в том, что всё это – оскорбительное недоразумение, что браслет просто затерялся где-то... как будто у матери хоть раз что-то терялось! Эве было ужасно неловко перед подругой и её родителями. Но она почувствовала, что летит в пропасть, когда мать вошла в её комнату и

победоносно объявила, что золотой браслет нашёлся у Габриэлы в сумке!

Браслет принесла дона Фернанда – со слезами на глазах и сбивчивыми извинениями, которые дона Каррейра приняла с ледяным лицом. В школу на следующий день Габриэла не пришла. Эва целый день звонила подруге, но телефон не отвечал. Вскоре Эва узнала, что семья Эмедиату уехала из Баии.

После этого случая мать раз и навсегда запретила дочери приводить домой подруг:

«Ты не умеешь разбираться в людях и тащишь в дом воровок! С меня достаточно! Я не для того зарабатываю деньги, чтобы их крали твои нищие подружки! Больше здесь никто из них не появится! Ты меня слышишь, Эвинья?»

Эва покорно кивнула, чувствуя, как к горлу подступают знакомые позывы тошноты. Именно в тот день она ясно осознала, что мать – опасна. И когда два года спустя Жозе Тейшейра из одиннадцатого класса, отчаянно краснея, пригласил её в кино, Эва спокойно сказала, что этим вечером она занята. И завтра тоже. И послезавтра. Она очень сожалеет, но у неё вообще не бывает свободных вечеров.

После Эва в одиночестве бродила по пляжу, глотая слёзы и напоминая себе, что ничего страшного не случилось. Что она даже ни капли не влюблена в Жозе. И что пусть лучше он пойдёт в кино с другой девочкой, чем найдёт у себя в сумке кольцо доны Нана или часы дона Каррейра. С тех пор у Эвы

не было ни одной близкой подруги, и она не согласилась на свидание ни с одним молодым человеком.

По Габриэле она тосковала до сих пор. Вспоминала их долгие прогулки по городу, рисунки в альбоме, мороженое на пляже, звонкий смех подруги, её широкую, открытую улыбку, шумных братьев и сестёр, большой и бестолковый, полный разговоров и веселья дом... И понимала, что теперь она осталась одна навсегда.

Впрочем, Эве казалось, что так было не всегда. Ей смутно помнились какие-то картинки из раннего детства, иногда снились странные сны... Вспоминалась толстая чёрная девочка-подросток, которая играла с Эвой, совсем крошечной, в куклы и пекла для неё печенье. Вкус этого печенья, а также огромные, полные печали глаза юной негритянки Эва не могла забыть. Одна из кукол (Эва отлично помнила, как чёрная девушка мастерила её из лоскутков) долго сидела на краю её кровати – растрёпанная, кое-как сшитая, в белом пышном наряде баиянки, в красном тюрбане... Куклу звали Амаранта, и Эва точно знала, что не она сама придумала это имя. Однажды, возвращаясь из школы, она увидела свою Амаранту в уличном мусорном баке. Понимая, что это дело рук матери (прислуга никогда не осмелилась бы на такое), Эва выудила куклу из мусорных завалов, и с тех пор Амаранта перешла на нелегальное положение в Эвином школьном рюкзаке.

Также крепко зацепился в памяти худой и высокий пар-

нишка, мулат цвета кофе с молоком, – такой же, как и сама Эва. Они вместе рисовали фломастерами, лёжа на животах в её комнате, смеялись и пили лимонад... Но когда Эва пыталась расспрашивать об этих детях мать, та лишь отмахивалась:

«Что за чушь, Эвинья? Тебе приснилось! Может, горничная какая-нибудь... Или приходили гости... Я не помню, ей-богу! Выброси из головы! Ты скоро попросту свихнёшься из-за своих фантазий! Где, боже мой, была моя голова, когда я позволила тебе рисовать?!»

Между бровями матери появлялась жёсткая морщина, и Эва умолкала. Она знала: стоит ей возразить хоть словом – и мать с жёсткой и холодной улыбкой выбросит все её рисунки. Такое уже было однажды, и Эва до сих пор помнила свои безутешные рыдания в тот день. Повод был ничтожным: восьмилетняя Эва спросила, нельзя ли ей навсегда уехать жить к бабушке на ферму. И тогда она в первый раз услышала слова «неблагодарная тварь» и почувствовала обжигающие пощёчины. Мать была страшна с её ледяным лицом и спокойным голосом, которым она обвиняла маленькую дочь в бессердечности и подлости, в предательстве родителей. Затем последовал запрет на прогулки в течение месяца, были отобраны игрушки и, что ещё хуже, – краски с карандашами. Все найденные рисунки были безжалостно изорваны матерью и отправлены в мусорное ведро. Перепуганная Эва не могла даже протестовать – лишь горько плакала и не пони-

мала: чего такого ужасного она попросила? Ведь нигде ей не было так хорошо, как на ферме бабушки – доны Энграсии де Айока.

Строго говоря, фермой это и нельзя было назвать: просто белый облупившийся дом в тридцати километрах от города. Дом, до которого можно было добраться по шоссе в сторону Санту-Амару в облезлом жёлто-зелёном автобусе. Дом с плоской черепичной крышей и небольшим садом из питангейр, гуяв и авокадо. За садом пристроился крошечный огород с овощами. Под окнами кустились огромные белые гардении: они остро, свежо и сильно пахли по ночам. Во дворе, закрывая крошечный патио своей кроной, росло старое манговое дерево. Маленькой Эва ловко, как обезьянка, взбиралась на него и обрывала зеленовато-красные душистые плоды. В доме было просторно и прохладно, пахло корицей, вербеной. К разошедшимся деревянным воротам вела дорога, заросшая травой. По соседству жил лишь один человек: старый сеу²⁰ Осаин, который сажал табак и продавал его в лавку в Баие. Его тенистый дом был завешан сверху донизу пучками сухих трав и соцветий, и Эва знала: сеу Осаин может вылечить этими травами кого угодно.

«Бабушка, сеу Осаин – врач?»

«Он – сын святого, девочка моя...» – смеялась бабушка. Она сидела на плетёном из тростника коврике под манговым деревом – на своём обычном рабочем месте. Большие и мор-

²⁰ Сеу – разговорное сокращение от «сеньор»

щинистые руки её были по локоть в глине, на предплечьях уже подсохшей и осыпающейся золотистыми чешуйками, а на ладонях – липкой и рыжей. Дона Энграсия мяла, вертела и вытягивала глиняный ком, приговаривая: «Ну, кто же придёт к нам сегодня?..» – а маленькая Эва смотрела затаив дыхание, на то, как из бесформенного кома появляются голова, плечи, торс, повязка...

– К нам пришёл Огун! – возвещала Эва, вскочив и подняв руки в ритуальном жесте. Дона Энграсия, смеясь, разглядывала своё творение:

– И правда... кажется, он! Что за неделя такая – восьмой Огун! Да эту армию не примут в магазин! Каждый гринго²¹ уплывёт из Баии с моим Воителем! Эвинья, любовь моя, может быть, это не Огун? Может, Шанго?

– Шанго никогда не придёт туда, где пляшет Огун! – важно заявляла Эва, и бабушка опять заливалась смехом:

– Аминь... Значит, Шанго придёт к нам завтра!

Именно в доме бабушки Эва впервые взяла в руки ком липкой глины и слепила первую свою статуэтку: пучеглазую жабу-каруру, точную копию той, которая подходила по вечерам к самому крыльцу и пела тонким, жалобным голосом. Бабушка похвалила каруру и попросила сделать ещё что-нибудь. Когда десятка полтора жаб, птиц, броненосцев и тейю²² выстроились на столе, бабушка обожгла их в большой печи,

²¹ Гринго – название белых иностранцев в Бразилии

²² Тейю – большая ящерица

покрыла блестящей глазурью и вечером позвала соседа:

– Что скажешь, друг мой?

– Скажу, что наследственность – великая вещь! – возгласил сеу Осаин, важно тараща глаза. Эва ничего не поняла. И испугалась, когда бабушка вдруг заплакала: две крохотные слезинки выбежали на чёрные, как переспелые сливы, щёки.

– Бабушка, что случилось, почему ты плачешь?!

– Не пугайся, девочка моя, я просто старая дура... Ты умница, и мы отправим твоих красавцев в магазин!

– Но...

– ...и если эти грингос их не купят – тем хуже для них!

Раз в месяц сеу Осаин загружал в свой задыхающийся грузовичок вместе с коробками сигар фанерный ящик с изделиями доны Энграсии и вёз их в Баию, в магазин. В тот раз вместе с керамическими «чудесами» бабушки в город уехали и кривобокие жабки и ящерки Эвы. И вечером сеу Осаин торжественно вручил смущённой и радостной девочке несколько монет:

– Это – за твоих зверей! Они очень понравились хозяйке! Энграсия! Почему ты опять ревёшь?! Свари лучше кофе, достань кашасы, и порадуемся вместе! Твоя внучка наверняка теперь не останется без куска хлеба!

Сеу Осаин часто заходил к ним – выпить бабушкиного кофе, съесть одно-другое печенье с шоколадом и корицей, вернуть прочитанную книгу (у бабушки в спальне был целый шкаф) и выкурить на пару с доной Энграсией несколько

ко толстых сигар собственного производства. Других соседей в округе, казалось, не было. Но несколько раз за лето десятка два машин, фургонов и мотоциклов подъезжало к воротам. Дом наполнялся людьми всех оттенков коричневого. Гости шумно говорили, здоровались, обнимались, смеялись. Женщины в белых, жёлтых, голубых платьях толпились на бабушкиной кухне, готовя мясо, салаты, печенье и кофе. Дом наполнялся пряными и острыми запахами. Из залы, где ожидали мужчины, доносился аромат кофе, кашасы и сигарет. Дети, которые приезжали со старшими, носились повсюду: их никто не унимал. Эва бегала вместе с ними. Ей помнился мулат-подросток, который качал её на качелях, девушки-негритянки, со смехом заплетающие в косички её волосы, коричневый большеротый мальчишка, по виду – её ровесник, который запустил в неё перезрелой питангой, а когда Эва расплакалась, деловито вытер ей нос своей грязной майкой и подарил ракушку-бузио... Эва не очень-то задумывалась, что означают эти сборища на ферме и почему вечером из зала начинает доноситься глухой рокот барабанов. Ей ни разу даже в голову не приходило посмотреть, что делается в доме, когда всходит луна и кроны гуяв и питангейр становятся серебряными. Впрочем, к тому времени она и так уже всё знала об ориша.

Девочкой Эва просто слушала бабушкины истории-патакис²³: о Йеманже, Матери Моря, доброй ко всем, которая

²³ Патакис (patakis) – мифы-истории о жизни и похождениях различных ориша

спасла братьев Ошумарэ и Обалуайе, брошенных их матерью Нана Буруку. О Шанго, повелевающим грозами и бурями, – неистовом Шанго, которого регулярно доводили до белого каления собственные жёны. Об Огуне, хозяине войны и железа, сумрачном и сильном воине, которого боятся все, а больше всех – его младший брат Эшу, хитрец и негодник. О смелой воительнице Йанса, чей крик заставляет врагов трепетать. О ласковой и нежной Ошун, которая вертит мужчинами как хочет. Об угрюмой, несчастной Оба, влюблённой в собственного мужа... Об африканских божествах, которые приплыли в Бразилию четыреста лет назад в вонючих трюмах португальских каравелл вместе с насмерть перепуганными чёрными людьми. Ориша остались вместе с этими несчастными в чужой земле и разделили с ними все их горести. Бабушка рассказывала об этом так, будто ориша были её соседями или близкими знакомыми: добродушно, посмеиваясь, иногда с осуждением, иногда одобрительно. Эва знала, что ориша можно о многом попросить, и если правильно это сделать, то желания твои сбудутся. Йеманжа любит рыбу и моллюсков, учила бабушка, и, если подарить Матери Вод всё это – будешь счастлива в своей семье. Ошун дарят украшения, Эшу – сигары и кашасу, воины Шанго и Огун без ума от мяса, а некоторые вещи – НЕКОТОРЫЕ, понимаешь, Эвинья? – требуют и жертвенных петушков, и голубей, и волшебных раковин-каури. Эва морщилась, бабушка смеялась:

с тёмно-коричневого лица блестели крепкие белые зубы.

«У каждого человека свой святой, малышка Эвинья, – говорила она, моя в миске чёрную фасоль и одновременно приглядывая за кофе на плите, – Мою святую ты знаешь...»

«Да, Йеманжа, – важно говорила Эва, поглядывая на керамическую статуэтку высокой чёрной женщины в голубой юбке и белой блузке, стоящую в углу бабушкиной спальни. – А кто – моя?»

«Эуа, конечно! – бабушка смеялась и ловила в фартук соскользнувший со стола початок кукурузы, – Эуа, самая красивая из ориша!»

«Самая красивая – Ошун!» – обиженно возражала Эва.

«Ничего подобного! Эта Ошун – просто шлю... Ой, боже! – бабушка поспешно шлёпала себя ладонью по губам, и Эва не осмеливалась спросить: то ли она не хотела ругаться при маленькой внучке, то ли боялась оскорбить святую. – Эуа совсем другая! Она была так прекрасна, что к ней женихи съезжались со всей округи! Они уже начали убивать друг дружку за неё! Бедная Эуа была так расстроена! Ей это ничуть не льстило, понимаешь? Ей нравилось только шить и рисовать, расписывать глиняные горшки, ткать пёстрые ткани... Всё в её руках становилось волшебным! Всё превращалось в красоту! Эуа плакала днём и ночью, видя, что мужчины потеряли разум и сражаются из-за неё! И ей совсем не хотелось выходить замуж за победителя: попробуй поживи с убийцей нескольких человек! Рано или поздно он и тебя

саму убьёт, вот увидишь! Пообещай мне, девочка моя...»

«Я никогда не выйду замуж за убийцу нескольких человек!» – торопливо обещала Эва.

«Умница! – удовлетворённо кивала дона Энграсия. – Ну так вот, Эуа поняла, что надо остановить это безобразие. Выйти, что ли, в самом деле хоть за одного, чтобы остальные угомонились... И она вышла к женихам и велела им прекратить драку: она сейчас решит их проблему. Все замерли как вкопанные и не могли отвести глаз от прекрасной, сияющей, как утреннее солнце, девушки. А она возьми да превратись в лужицу воды! Солнце согрело её, и вода-Эуа вознеслась на небо, к своему брату Ошумарэ. Вот там ей стало хорошо! Ошумарэ любит сестру и ни в чём ей не мешает! Эва делает ткани из радужных нитей и рисует на облаках закат. Посмотри, как красиво у неё выходит! – бабушка махала рукой в окно, где по листьям питангейр стекали розовые и золотые лучи заката, и почему-то вздыхала. И спохватывалась. – Так мы будем пить кофе или нет? Сколько можно болтать о пустяках?!»

Они пили кофе – крепкий, чёрный, сладкий, невероятно вкусный, а для себя бабушка добавляла в угольную жидкость капельку кашасы, – ели тающее во рту печенье, и несколько штук бабушка непременно несла на голубой тарелке Йе-манже. Эва смотрела в тёмное, улыбающееся лицо богини и старалась представить себе Эуа – красавицу, которой были неинтересны все мужчины на свете, потому что она любила

рисовать. Гипсовая статуэтка Эуа стояла на полке рядом с другими ориша. Все святые дружно жили в доме бабушки, все изображения их стояли на алтаре рядом. И только Нана Буруку не было среди них.

Был лишь один вопрос, на который бабушка не давала ответа любимой внучке: почему мама никогда не приезжает на ферму? Почему так неохотно отпускает к доне Энграссии внучку? Почему брезгливо морщится всякий раз, когда Эва пытается рассказать о своих каникулах у бабушки? Дона Энграссия лишь тяжело вздыхала и обещала:

– Когда-нибудь, малышка, ты всё узнаешь и всё поймёшь. Не спорь с матерью. Мать – она всегда мать... Делай то, что она просит. Скоро ты вырастешь и сможешь заниматься чем угодно – но до этого ещё нужно дожить. Не ссорься с Нана, она... Она может сделать тебя несчастной.

И Эва знала, что так оно и есть.

Она хорошо помнила тот сырой и душный вечер полгода назад, когда дождь то заливал город потоками воды, то переставал, давая воде испаряться и зажигаться то там, то тут над крышами короткими радугами. Эва возвращалась домой из «Ремедиос»: сначала на трамвае, потом пешком. До дома оставалось пройти два квартала, когда из-за угла, чуть не сбив её, вылетел грузовик. Девушка с испуганным воплем прыгнула на тротуар. Грузовик остановился, завизжав тормозами. Он показался Эве военным: выкрашенным в камуфляжные цвета, обшарпанным, с открытым кузовом, с кото-

рого свисал грязный брезент. И тёмная мулатка, выскочившая из кабины, тоже была одета в военную форму. Не захлопывая за собой дверцы, она решительно шагнула на тротуар, и изумлённая Эва поняла, что молодая женщина направляется прямо к ней.

– Здравствуй, Эвинья, – поздоровалась она, отбрасывая с хмурого лица заплетённые в косички волосы.

– Здравствуйте, синьора... – растерянно ответила Эва, точно зная, что никогда прежде не видела этой особы.

– Ты меня не знаешь. Я – Йанса, родственница твоей бабушки Энграсии.

– Я очень рада...

– Бабушка послала меня к тебе. Она хочет, чтобы ты приехала как можно скорей. Сегодня же! – сказала незнакомка и, отвернувшись от остолебневшей Эвы, побежала к грузовику.

– Подождите! Дона Йанса, постойте! – отчаянно закричала ей вслед Эва, бросаясь вдогонку. Но грузовик уже газанул и, подняв веер брызг, исчез за поворотом. И Эва успела только подумать о том, что эта стройная, гибкая женщина и в самом деле похожа на Йанса – ориша битвы и ветров, хозяйку мёртвых. И ещё о том, что заходить домой уже некогда.

Как во сне, Эва добралась до остановки автобуса, который подъехал лишь через два часа и долго трясся с пассажирами вдоль побережья по ухабистому шоссе, перерезанному тенями пальм и мангровых деревьев. Последние километры Эва

ехала в автобусе уже в сумерках, одна-одинёшенька. Водитель высадил её у дороги, уходящей в заросли, осведомился, встретит ли её кто-нибудь, не дождался ответа, озабоченно вздохнул, развернул автобус и уехал. Эва неуверенно пошла по пустой дороге. Ей никогда не доводилось так поздно ходить одной по лесу. И, хотя она знала, что здесь редко бывают люди, а хищников нет совсем, сумерки пугали её. Дорогу перечёркивали лунные полосы; изредка из зарослей доносились крики птиц. Эва шла вперёд, слушая звук собственных шагов. Она знала, что заблудиться здесь нельзя, что дорога тут одна и рано или поздно упрётся в ворота бабушкиной фермы, – но от страха у неё зуб на зуб не попадал. И поэтому, увидев неподвижно стоящую на обочине мужскую фигуру, девушка чуть не завопила от ужаса. Страх стиснул горло. Эва застыла, готовая спрыгнуть с дороги и бежать через заросли прочь.

Незнакомец меж тем не спеша повернулся к ней. В темноте Эва не видела его лица, но голос, позвавший её по имени, был совсем молодым.

«Эвинья? Привет! Не пугайся, я от твоей бабушки! Она меня послала тебя встретить!»

Низкий, мягкий голос незнакомца слегка успокоил Эву. Ей даже показалось, что она слышала его прежде. Они с этим парнем встречались, вероятно, в доме бабушки... Было темно, но Эва сумела разглядеть, что на её неожиданном провожатом – рваные джинсы и растянутая майка, мешком ви-

сящая на широких, мускулистых плечах. В полном молчании они шагали по дороге. Незнакомец шёл бесшумной, развалистой походкой, курил сигарету за сигаретой, на Эву не смотрел, – но ей уже не было страшно.

Вскоре вдали показались освещённые окна фермы. К изумлению Эвы, дом был полон народу, и у ворот стояло десятка полтора машин и мотоциклов. Когда она вошла, навстречу ей сразу же бросились женщины:

«Эва! Эвинья! Какое счастье, ты приехала! Ты совсем одна?! Как же ты узнала?»

«Где бабушка, что с ней?» – не отвечая, встревоженно спрашивала она. Её провели в дом. Там, в спальне, освещённой десятком свечей, на своей огромной кровати лежала дона Энграсия. Эва кинулась к ней.

«Бабушка!»

«Малышка Эвинья, любовь моя... – Голос бабушки был едва слышен и дрожал от нежности. – Ты приехала, родная, какое счастье... Не надо плакать, моя девочка. Ничего страшного не случилось: я просто умираю. Не плачь, малышка, я ведь прожила хорошую жизнь! Мне девяносто четыре года, можешь в это поверить? Хватит... ей-богу, хватит. Я так устала! И мне так давно пора... Ты получила телеграмму от Осаина? Как твоя мать отпустила тебя одну так поздно?»

«Я ничего не получала! – сквозь слёзы вскричала Эва, – Мне сказала дона Йанса! Она... – Девушка осеклась, увидев, каким странным блеском сверкнули бабушкины глаза

из-под морщинистых век. Стоявшие вокруг женщины ахнули, отшатнулись. Несколько из них подняли руки в ритуальном жесте.

«Йанса пришла к тебе сама? – прошептала бабушка. – Вот это честь для меня на старости лет... Как она была одета, девочка?»

«В... военную форму...» – совсем испугалась Эва.

«Но как же ты добралась совсем одна, малышка? – Бабушкин голос стал едва слышным. Женщины с тревогой склонились над ней, но она слабым, нетерпеливым движением отстранила их и впиалась блестящими глазами в лицо внучки. – Господи, как же ты ехала сюда? Одна? Ночью? В темноте?!»

«Меня встречал какой-то парень! Сказал, что от тебя! – Эва умолкла, внезапно осознав, что бабушка не могла послать за ней никого: она ведь даже не знала, что внучка придет! И Эва смогла только растерянно пробормотать под испуганными взглядами всех присутствующих:

«Он встретил меня... на дороге... И провожал до самых ворот! Он же вошёл сюда вместе со мной! Вы все видели его! Такой... самый обыкновенный парень! Чёрный! Джинсы рваные... и красная майка...»

«Эшу! Эшу...» – нестройно разнеслось по комнате. Эва в ужасе схватила морщинистую, сухую руку бабушки и прижала её к своей груди. Бабушка закрыла глаза, улыбнулась. Пробормотала:

«Благодарю тебя, Эшу, проказник этакий...» – и закрыла

глаза. Эва, разрыдавшись, уткнулась головой в её одеяло.

«Не время, малышка... Не время! Мне осталось мало, совсем немного... Я знаю, что твоя мать будет против... Но ты должна быть счастлива! И меня больше ничего не держит. Скоро ты встретишься с другими... Они придут. Они никогда не оставят тебя, что бы там ни говорила Нана! А если тебе придётся плохо – всегда зови Эшу! Ты знаешь как, я учила тебя. Эшу придёт и поможет, хоть он и негодник, каких свет не знает. А пока... пока... ступай.»

В соседней комнате зарокотали барабаны – громко, призывно. Низкий мужской голос затянул: «Одойя, Йеманжа, одойя...» – и чёрные женщины увели Эву туда, где пульсировал ритм и качались в такт с барабанами фигуры. И она пришла в себя лишь утром, оказавшись на широкой кровати бабушки. И, не раздумывая, осталась на бдение у тела, на похороны и поминки.

Ни мать, ни отец не прибыли попрощаться с бабушкой. Эва ничуть этому не удивилась. Гораздо больше её поразило то, что, когда она вернулась домой, пропустив четыре школьных дня, ожидая чудовищного скандала, мать вдруг обняла её прямо на пороге и долго прижимала к себе. Эва застыла – в самом искреннем ужасе. Никогда в жизни доне Нана в голову не приходило приласкать дочь. Даже в Эвином детстве мать не сажала её к себе на колени, не гладила по голове, не обнимала. И сейчас Эва чувствовала себя так, будто на неё накинулся с объятиями совершенно чужой человек.

Но это всё же была её мать, и Эва терпеливо вынесла её прикосновение. Тем более, что всё кончилось так же внезапно, как и началось. Мать жёстко отстранила, почти оттолкнула дочь от себя, осмотрела её с головы до ног и обычным своим резким голосом сказала:

– Выглядишь ужасно. Что ты там делала? Надеюсь, не играла в макумбу? Какая дикость все эти бдения! Теперь нужно как-то продавать дом, землю... Такая морока! Иди, ложись в постель.

И Эва поняла, что ей это в самом деле нужно. Она провела четыре дня на ногах, засыпая урывками на несколько часов, разговаривала с людьми, слушала истории, утешала других, плакала сама – но ни разу не почувствовала усталости или недомогания. Но сейчас, после неожиданных объятий матери, девушке показалось, что из неё выдернули стержень. Разом навалилась смертельная тоска, сердце стиснуло болью, закружилась голова, перед глазами поплыл туман... Кое-как удерживаясь за стену, Эва доплелась до своей спальни и, не раздеваясь, рухнула на неразобранную постель.

Лучше ей не стало. Всю ночь и целый день Эва пролежала на кровати, глядя в потолок и мучаясь от приступов головокружения. Мыслей, казалось, не было ни одной: она не могла думать даже о бабушке. Не было горя, не было отчаяния. Не было вообще ничего – словно из неё вынули и рассудок, и волю. При мысли о том, что надо встать, снять грязную одежду, что-то поесть, к горлу подкатывала тошнота. Дверь

была заперта. В комнату к Эве никто не входил.

На другой день стало ещё хуже. Вместо равнодушия подступила тяжёлая, давящая тоска. День будет идти за днём, горько думала Эва, глядя в потолок. Каждый день она будет делать несколько набросков в альбоме. Рисовать акварелью. Лепить никому не нужные фигурки. Зачем? Зачем ей делать эти бессмысленные глупости? Бабушка учила её совсем не тому, не тому... Самые лучшие её статуэтки, может быть, купят американские туристы – и поставят на полку в своём офисе как экзотический сувенир. Неужели стоит тратить на это жизнь, молодость, время? А её рисункам и вовсе не суждено увидеть свет – ведь она даже не самая лучшая в студии... Да и разве можно зарабатывать на жизнь неумелыми картинками? Если бы она была Микеланджело или Веласкесом... Или хотя бы Ди Кавальканти! Она – Эва Каррейра, рядовая бездарность, которая тратит время на уродцев из гипса и глупую мазню! Нужно попросту выбросить их все. Избавиться от бумаги, красок, карандашей, как от ненужного хлама – и заняться, наконец, настоящим делом! Слезы ползли по вискам, противно затекали в уши, но Эва не меняла позы. Лишь к вечеру, когда лежать на спине стало уж совсем невыносимо, она с огромным трудом попробовала перевернуться на бок – и сдавленно охнула. Что-то больно ужалило ей на бедро. «Это в кармане... в джинсах,» – словно сквозь сон подумала Эва.

Собственная рука казалась страшно тяжёлой, пальцы –

негнушимися. Несколько раз Эва бросала попытки забраться в собственный карман и вытащить оттуда предмет, так мешавший ей. Голова кружилась всё сильнее, отчаянно жгло виски, и Эва поняла: сейчас её вырвет. Из последних сил она просунула пальцы в тесный карман брюк и вытащила... камень. Гладкий камешек с ноготь величиной, с одной стороны – серый, с другой – молочно-белый. Похожий на кофейное зерно с продольной чертой посередине.

Тошнота пропала – как не было. Исчезло головокружение. Горькое отчаяние выпало из сердца, словно булавка. Эва торчком села на постели. Испуганно осмотрелась, словно ожидая увидеть свою боль рядом, в нескольких шагах. Но комната была по-прежнему пуста, жалюзи – опущены. За окном шелестел дождь. А на столе лежал гладкий серо-белый камень, от которого – теперь Эва отчётливо это чувствовала – пахло опасностью, как пролитым бензином на заправочной станции. Казалось, камешек – живое существо, который смотрит на перепуганную девушку так же насторожённо, как и она на него. «Я должна его убить,» – вдруг поняла Эва. Осмотрелась. И сразу сообразила, что самое лучшее орудие для убийства – металлическая статуэтка Огуна, давным-давно подаренная бабушкой. Эва решительно взяла Огуна за голову, замахнулась – и ударила по кошмарному камню тяжёлым основанием статуэтки.

От грохота, казалось, разломился письменный стол. От камешка осталась горстка коричневой пыли: он оказался

скатанным из глины. Эва смахнула её на пол – и рассмеялась сквозь слёзы, которые тут же высохли – словно их не было.

Все тяжёлые мысли мгновенно показались дурным сном. Эва вскочила и босиком прошлась по комнате в ритме самбы. Доплясав до стола, привычно вытащила из папки лист акварельной бумаги. Через мгновение её карандаш уже бегал по шероховатой поверхности, и на листе начали появляться черты бабушки – такой, какой донна Энграсия была в молодости, – дочери Йеманжи, красавицы-негритянки, самой обольстительной мастерицы «святых» во всей Баие.

Эва не помнила, когда в последний раз работала с таким увлечением. Карандаш сменили краски, и уже через два часа портрет бабушки в чудесном бело-голубом платье и синем тюрбане был готов. Бабушка улыбалась. Казалось, она вот-вот поднимется и протянет к ней обе руки с широкой улыбкой: «Эвинья, девочка моя!» И Эва, разглядывая портрет, подумала, что, кажется, это – одна из лучших её работ.

За окном всё так же шелестел дождь. Эва подумала, что не худо бы его прекратить хоть на час. Она знала, что сумеет это сделать. Так было всегда: стоило ей вслух подумать о том, что дождь скоро закончится – и он кончался, как по заказу. Маленькой Эва однажды спросила у матери: что бы это значило? Дона Нана пожала плечами:

«Обычное совпадение! Что ты о себе мнишь, хотела бы я знать?»

Эва о себе ничего не мнила. Но «совпадением» время

от времени пользовалась – и всегда успешно. Вот и сейчас она подошла к открытому окну, сказала вслух: «Пусть дождь перестанет, пожалуйста!» – и через несколько минут ливень превратился в редкие капли, от которых вздрагивали пёстрые листья кротона под окном, а над площадью встала огромная радуга. Держа в руке свой рисунок, Эва села на влажный подоконник и подставила лицо солнцу, пробившемуся сквозь лёгкие, набежавшие с моря облака. На душе было легко и радостно. Девушка тихо рассмеялась, потянувшись под тёплыми лучами... и нечаянно выпустила из рук портрет бабушки.

Ахнув, Эва свесилась с подоконника – и увидела, что рисунок поймал в полуметре от обширной лужи какой-то парень, сидевший на мотоцикле. Внимательно рассмотрев картинку, он покачал головой – и поднял весёлые, наглые глаза на Эву.

Это был самый обычный чернокожий парень, на вид – ровесник Эвы. В его широкоскулой, большеротой физиономии девушке почудилось что-то неуловимо обезьянье – и от чего-то очень знакомое. Но Эва могла поклясться, что не встречалась с этим парнем никогда. Увидев в окне Эву, он помахал рисунком и рассмеялся, сверкнув белыми, крупными зубами.

– Э, детка, это здорово! Подари его мне, а?

– Во... возьми... если хочешь, – согласилась Эва, понимая, что всё равно, пока она сбежит по лестнице вниз, это-

го бандита и след простынет. Но почему-то ей даже не было жалко удачного рисунка. В конце концов, всегда можно нарисовать другой! Ещё лучше!

– Что – серьёзно? – Парень недоверчиво поднял брови, ухмыльнулся. – Ну, спасибо!

– Да зачем он тебе?

– Классные сиськи и задница! – со знанием дела сообщил он. – Как у моей бабки, ей-богу! Подарю матери, обрадуется!

И, прежде чем изумлённая Эва успела сказать ещё что-нибудь, парень заржал, взмахнул рисунком как флагом – и с треском сорвал мотоцикл с места.

Когда озадаченная Эва перестала размышлять о случившемся, за окном снова собрались тучи, а в прихожей послышался деловитый стук каблуков. Через мгновение в комнату Эвы вошла мать.

– Эва, ты не спишь? Я вижу, тебе лучше. Отлично, тогда ты в состоянии меня выслушать. – Лицо доны Каррейра было обычным – спокойным, холодноватым. – Я полагаю, что тебе больше нечего делать в студии «Ремедиос». С завтрашнего дня я не плачу за твои уроки рисования. Они ничего тебе не дают, мешают заниматься делом и забивают голову пустяками! Ты и так много времени думаешь о ненужной ерунде, и... В общем, я так решила. Завтра ты пойдёшь на курсы подготовки в университет: это необходимо для твоей будущей карьеры. Уже давно пора начать этим заниматься: ты знаешь, как трудно получить высшее образование. Чтобы

стать хорошим юристом, нужно много и тяжело трудиться! Я убеждена, что ты со мной согласишься: ты умная девочка. Можешь выбросить весь этот мусор прямо сейчас – или подожди утра, когда придёт горничная. В любом случае...

Эва сложила руки на груди. Прямо посмотрела в тёмные, холодные глаза женщины, которая называлась её матерью, и спокойно сообщила, что она, Эва, останется в студии «Ремедиос». И, разумеется, не пойдёт ни на какие курсы, поскольку не намерена пять лет учиться юриспруденции.

Мать изменилась в лице. Это было так страшно, что Эва невольно отшатнулась к стене. Она ждала знакомого приступа тошноты и ужаса – но его не было. Не было. Не было!

– Ты будешь заниматься тем, чем я велю, – своим знаменитым, бесцветно ровным голосом, пугавшим самых смелых её конкурентов, сказала дона Каррейра. – Неблагодарная девчонка! Ты забыла, что ни гроша в этой жизни не заработала сама? Что всё в этой комнате, всё, что на тебе надето, всё, что ты ешь, – моё? Что у тебя нет никакого права выбирать, что тебе хочется? Мне решать, чем ты будешь заниматься, потому что я, я плачу за это! Ты поняла меня?

Эва улыбнулась и кивнула. Головокружение не наступало. Страх исчез. И внутри неё взорвался горячий фонтан радости, когда на лице матери мелькнуло изумление. Эва повернулась к доне Каррейра спиной и, не говоря ни слова, сняла с себя брюки, футболку, бюстгальтер и трусики. Мать молча, недоверчиво наблюдала за ней.

Закончив раздеваться, Эва легла было на кровать, но тут же вскочила.

– Извини, я забыла: кровать тоже твоя.

Эва легла на пол. Тут же встала.

– Ах да, и пол этот тоже твой! Ну, тогда... – Она взобра-
лась на подоконник и обеими руками распахнула створки ок-
на настежь.

– Эва! – раздался за спиной резкий голос матери. – Пе-
рестань валять дурака! Слезай! Безмозглая истеричка! Тебя
увидят соседи! Полиция!

Не отвечая, Эва смотрела вниз, на залитую дождём ули-
цу. Туда, где час назад скалил зубы чёрный парень в крас-
ной линялой майке. Потом подняла глаза на затянутое туча-
ми небо. Никогда в жизни она не чувствовала такого спокой-
ствия, умиротворения и уверенности в том, что всё идёт как
надо. Она ничего больше не боялась. Тошнота и боль в вис-
ках больше не имели над нею власти. Мерзкий камень, ко-
торый мучил её три дня, превратился в сухую пыль. Эва по-
прежнему осталась художником. Её лучший рисунок сегодня
будет висеть в кухне или спальне незнакомой женщины, ко-
торой сделал подарок сын – нахальный уличный мальчишка.
И Эва понимала, что больше никто и никогда не отнимет у
неё воли самой решать за себя. Даже если у неё остался всего
один миг этой жизни. Капли дождя касались её лица, слов-
но ласково звали с собой, и Эве казалось, что она вот-вот
поймёт их шелестящий, лукавый язык. Она уже готова была

сделать шаг с подоконника, когда в дверь позвонили.

Дона Каррейра бросила на пол сигарету. Нагнулась, подняла с пола скомканную одежду, швырнула её в лицо дочери – и пошла открывать.

Эва на всякий случай оделась – но не выходила из комнаты всё время, что в квартире был чужой человек. Эйфория от собственного безумного поступка уже улеглась, и сейчас девушка умирала от любопытства: кто этот гость, с которым мать разговаривает в гостиной приглушённым голосом? Все деловые встречи дона Каррейра проводила в офисе. К ним домой никогда никто не приезжал...

Через полчаса в прихожей хлопнула дверь. Эва метнулась к окну и увидела, что из дома выходит молодой мужчина в белом полотняном костюме, с деловой папкой и лаптопом под мышкой. У тротуара его дожидался серебристый «форд». «Должно быть, курьер из «Луар», что-то срочно подписать!» – догадалась Эва.

Гость открыл дверцу машины, поднял голову – и они с Эвой встретились глазами. Это был молодой мулат лет двадцати пяти, чем-то смутно знакомый девушке. Она неуверенно улыбнулась. Мулат взмахнул рукой, улыбнулся ей в ответ, сел в машину и уехал.

Вечером мать снова зашла в комнату Эвы. Сухим голосом объявила, что вырастила подлую истеричную тварь, которая не способна ценить то, что для неё делают родители. Впрочем, она, дона Каррейра, не врач и не гипнотизёр. Она не

умеет лечить невротичек и психопаток. Но если понадобится – сдаст свихнувшуюся дочь в психушку: пока она имеет на это право. До этого события остались считанные месяцы, так что Эва покуда вольна заниматься ерундой – но не рассчитывать ни на деньги, ни на подарки. В этом месте Эва чуть не рассмеялась: она никогда не просила у матери денег. Очевидно, мать тоже вспомнила об этом, поскольку холодно добавила:

– На краски и на гипс не получишь тоже! Ни единого гроша! Лепи своих уродцев из собственного дерьма, истеричка!

Эва улыбнулась, прямо глядя в лицо матери и понимая, что услышала серьёзную угрозу. Дона Каррейра вышла из комнаты, хлопнув дверью на всю квартиру. Впервые на памяти Эвы мать была выведена из себя и почти утратила самообладание. Она даже грубо выругалась! И Эва не знала – радоваться ли этой своей победе – или ожидать беды.

Ночью она не спала. Сидела на подоконнике, смотрела на полную луну над крышами города, думала. Едва дождавшись рассвета, сложила в сумку последние оставшиеся у неё статуэтки – Йеманжу, Огуна, Шанго и Эшу – сунула туда же папку с рисунками, застегнула «молнию», оделась и бесшумно вышла из квартиры.

На площади Пелоуриньо было полным-полно магазинчиков для туристов, но все они в этот ранний час были ещё закрыты. Эва шла по безлюдному кварталу, вглядываясь в витрины. Сумка оттягивала руку, а ночная уверенность в себе

постепенно сходила на нет. С чего она взяла, что её «уродцев» кто-то захочет выставить в своей витрине – да ещё даст за это денег? Сколько времени ей придётся ходить от магазина к магазину, предлагая свои статуэтки – и видеть снисходительные улыбки, выслушивать отказ за отказом?.. Всё же она – не бабушка, она не занималась «святыми» целую жизнь, её не знают во всех магазинах Баии... И, если вспомнить, никто не говорил ей, Эве, что она хорошо делает это. Никто, кроме бабушки и местре Осаина. Да, пожалуй, вчерашнего бандита на мотоцикле...

Размышляя, Эва не особенно следила за дорогой и зашипела от боли, внезапно ударившись лбом о распахнутую дверь. Маленький магазинчик с вывеской «Мать всех вод» открылся первым на улице. Жалюзи на витринах были подняты, а внутри кто-то деловито копошился. Потирая лоб, Эва напомнила себе, что попробовать-то хоть раз всё-таки стоит, поудобнее перехватила сумку – и вошла внутрь.

В крошечной лавке было пусто. Большая, в метр вышиной, статуя Ошала в белых одеждах встретила Эву у входа, как домашнее привидение. Повсюду – на полках, на низеньких стойках, на столе и у кассы – стояли изображения ориша. Некоторые – гипсовые, некоторые – вырезанные из дерева или сделанные из меди или серебра. Эва увидела и несколько керамических, которые на первый взгляд были ничуть не лучше её собственных. Приободрившись, она поставила сумку на пол и хлопнула в ладоши.

– Здравствуйте! Доброе утро!

Никто ей не ответил. И Эва подскочила от неожиданности, когда за её спиной вдруг раздалась мелодичная трель звонка. Трезвонил телефон возле кассы – старый-престарый, с треснувшим диском и трубкой на проволочном шнуре. Тут же послышался мягкий звоночек на верхнем этаже: там явно сняли вторую трубку. Сонный мужской голос рявкнул: «Женщина, почему от тебя нет покоя с самого утра?..» Но продолжения Эва не услышала, потому что из глубины лавки появилась хозяйка.

Это была невысокая, слегка располневшая негритянка лет пятидесяти в потёртом голубом платье. По подолу платья бежал узор из синих и белых ракушек. Монументальную грудь венчал кулон из раковины-бузио. Было очевидно, что женщина недавно поднялась с постели: её лицо было ещё сонным, курчавые волосы небрежно заколоты гребнем, в руке была чашка недопитого кофе. Но растерянной Эве она улыбнулась широко и радушно, показав ряд прекрасных зубов, и вокруг глаз негритянки появились сеточки весёлых морщин. Невольно девушка подумала, как хороша была, вероятно, эта женщина в молодости.

– Доброе утро, дочь моя! Что ты хочешь мне показать?

– Статуи святых, сеньора! – выпалила Эва, донельзя обрадованная тем, что не нужно ничего объяснять. – И... и рисунки. Я недавно этим занимаюсь, но, может быть, вам они понравятся...

Она расстегнула сумку и принялась выставлять свои статуэтки на низенький столик у кассы. Негритянка с любопытством следила за ней, поставив на табуретку свою чашку. Подойдя, она осторожно взяла в руки Йеманжу, затем – Огуна. Некоторое время с любопытством рассматривала их. Потом дотронулась до гипсового Эшу, который хохотал во весь рот, показывая на что-то пальцем, и тоже широко улыбнулась. Затем начала перебирать акварели. Эва стояла не шевелясь, боясь даже вздохнуть. И вдрогнула, когда негритянка подняла на неё взгляд и мягко сказала:

– Мне нравится твоя работа, дочь моя. Сколько ты просяшь за своих «святых»?

– Я... я не знаю, – растерялась Эва, которой даже в голову не пришло выяснить действующие цены. – Сколько вам будет угодно, сеньора!

– Должно хватить на краски, да? – рассмеялась хозяйка. Взглянула на изумлённую девушку смеющимися глазами, полезла рукой за пазуху и извлекла свёрток мятых денег. Не пересчитывая, протянула их все Эве.

– Я могу заплатить вот столько. Ты принесёшь ещё?

– Конечно... – прошептала она. Не глядя взяла деньги, сунула их в карман школьной юбки. Ещё не веря в то, что всё получилось так легко и просто, шагнула к дверям. – Спасибо, сеньора, до свидания...

– До свидания, Эвинья!

Дверь лавочки закрылась. На улице всюду палило солнце,

но с моря уже тянулись тучи. Поглядывая на них, Эва побежала на остановку трамвая: нужно было не опоздать на уроки. И всю дорогу до школы она неотступно думала об одном: откуда хозяйке лавки известно её имя?

С тех пор прошло полгода. С матерью они больше не разговаривали, и Эва испытывала от этого только облегчение. Раз в месяц она приходила в лавку «Мать Всех Вод». Статуэток больше не приносила: делать их было негде, донна Каррейра никогда не позволила бы дочери устроить в комнате мастерскую. Но десяток акварелей с видами Старого города или изображениями ориша уходили за неплохие для Эвы деньги. Иногда она перебрасывалась с хозяйкой парой слов, иногда угощалась предложенным кофе. Кофе напоминал Эве о бабушке: он был таким же крепким и сладким и даже пах точно так же: корицей и перцем. Каждый раз, напившись этого кофе, Эве хотелось разрыдаться от одиночества. Но плакать было глупо. Бабушки больше нет. Чудесная ферма со старым манговым деревом и качелями в глубине сада давно продана. А ей, Эве, остались только статуэтки ориша и ласковый взгляд хозяйки магазина. И запах кофе.

Чёрного парня с обезьяньей физиономией она ещё несколько раз встречала в их квартале: видимо, он жил неподалёку. Иногда он курил на углу в компании таких же уличных королей в бейсболках козырьками назад. Иногда орал во всю глотку ругательства, скандаля с хозяином фруктовой лавочки. Иногда дремал, развалившись на скамейке и

подставив солнцу улыбающееся лицо. Однажды Эва увидела его в небольшой роде²⁴ на перекрёстке: парень вертелся как волчок, крутя сальто и взлетая в воздух на три метра. Увидев Эву, он ловко прошёлся колесом, встал на одну руку, а другой послал девушке страстный воздушный поцелуй. Другие капоэйристы расхохотались. Смущённая Эва поторопилась ускорить шаг. Иногда ей казалось, что где-то она видела прежде эту забавную большеротую физиономию и широкую ухмылку. Но где – не могла вспомнить, как ни старалась.

Обо всём этом Эва рассказывала своей новой подруге Ошун, сидя за столиком кафе. Говоря, она удивлялась самой себе: откровенность перед первой встречной была ей совсем не свойственна. Но Ошун слушала так жадно, так внимательно смотрела на Эву большими чёрными глазами, так сочувственно говорила: «Боже, ай, боже, сестрёнка... Что же было дальше?!» – что умолчать о чём-то было просто невозможно. Когда же Эва упомянула серо-белый камешек в своём кармане, Ошун ахнула на всё кафе и, вытаращив глаза, прижала пальцы к губам.

– Ты правильно сделала, дорогая, что убила его! – серьёзно сказала она, придвигая к Эве очередную порцию мороженого. – Это – бузию Нана Буруку. Ты ведь знаешь, кто она такая? Э-э, малышка... Ты ведь чёрная, как я! Ты всё долж-

²⁴ Рода – круг, в который становятся участники капоэйры – борьбы-танца с элементами акробатики.

на знать о «святых»!

Эва улыбнулась, подумав, что рядом с эбеновой красавицей Ошун она, Эва, кажется просто сливочным мороженым. Ну, хорошо, не сливочным – карамельным... Разумеется, Эва слышала о Нана Буруку, которая соблазнила мужа своей сестры Йеманжи и увела его из семьи. Но это знала любая чёрная девчонка в Баие, а бабушка... Эва только сейчас поняла, что бабушка не рассказывала ей ни одной патаки о Нана Буруку. И статуэтка этой святой не жила на полке доны Энграсии.

– Нана ведь... не очень добрая? – припомнила Эва. – Её не любят?

– Она знает всё про всех! – наморщив нос, сообщила Ошун. – Всё! Про всех! Даже то, что человек сам про себя не знает! Представляешь? Кто в здравом уме будет её любить?!

– А... бузиос?

– Ну-у, бузиос Нана – вообще страшное дело! Тебе подсовывают одну такую – и ты уже не хозяйка своей голове! Делаешь, что от тебя хотят, или ещё того хуже – выпускаешь на волю собственное дерьмо!

– Как это? – осторожно переспросила Эва.

Ошун в ответ фыркнула и помахала рукой, словно отгоняя сигаретный дым.

– Дочь моя, в каждом из нас, хочешь-не-хочешь, есть по три кило какашек! Но нормальный человек своему дерьму хода не даёт, вот как! А с бузиос Нана Буруку дерьмо стар-

тует сразу же! Да-а, не успеешь оглянуться, – а ты уже изво-
зилась сама и облила всё вокруг! И после не понимаешь, как
это вышло и почему ты вдруг оказалась такой дурой, оскор-
била кучу народу и натворила столько бед! Ты просто умни-
ца, что избавилась от этой дряни! Это, знаешь ли, не каждый
может!

– Но... кто же мне подложил её? И зачем? – вконец рас-
терялась Эва. Ошун, склонив кудрявую голову к плечу, вни-
мательно смотрела на неё.

– Я не знаю, дорогая. Честно. Но ты всё сделала правиль-
но. Почаще проверяй теперь шмотки и сумку. Если кто-то
начал это с тобой делать – не успокоится! Наплевать, что
полгода прошло! Такие вещи добром не кончаются! Будешь
лимоннад? Угощаю, пока меня не выкинули с работы!

Дни шли за днями. Дважды в неделю Ошун появлялась
в студии «Ремедиос». Врывалась в мастерскую на всех пару-
сах, сбрасывала за ширмой платье, взлетала на постамент –
и замирала в заданной позе. Скрипели карандаши, шурша-
ли пастель и уголь, восхищённо улыбались юноши, прене-
брежительно поджимали губы студентки... Эва, сделавшая
уже несколько эскизов, начала работать акварелью: подруга
представала на её картине ориша Ошун, танцующей перед
своим мужем Шанго. Женская фигура удалась ей превосход-
но, но вот с Шанго Эве никак не удавалось справиться.

– Не похож, – однажды вдохнула Ошун, стоя перед её ра-
ботой. Лицо её сделалось печальным, и огорчённая Эва по-

няля: подруга не врёт.

– Как-нибудь покажу тебе его.

– Кого? Шанго?!

– Ага, – легко пообещала Ошун, – Только дождусь, когда он будет в настроении. С ним, знаешь ли, сложно иногда... Не дай бог подвернуться под горячую руку!

Поражённая Эва молчала, не зная, верить ли сказанному. Так уверенно и непринуждённо об ориша говорила только бабушка... А Ошун, явно не заметив её смятения, предложила:

– Может, пойдём сегодня на пляж? Останови дождь, дорогая!

– Что?.. – испугалась Эва.

– Прекрати до-ждь! – растягивая слова, повторила Ошун. И рассмеялась, глядя в ошеломлённое лицо подружки. – Не знаешь как?! С ума сойти, до чего тебя довела эта ведьма... Ну, хоть пожелай, чтобы он закончился! Тебе что – нравится болото на улице посреди весны?

Эва на всякий случай пожалала плечами. И тихо сказала:

– Пусть закончится этот ливень...

Через четверть часа, когда подружки вышли из студии, дождя уже не было. Бульжные мостовые начали просыхать, а небо над лохматыми пальмами квартала сияло, как начисто отмытое.

– Ну вот, уже солнце... – начала Эва – и осеклась, внезапно заметив, что подруга не слышит её. Лицо Ошун было

непривычно хмурым и даже встревоженным. Сдвинув тонкие брови, она смотрела на то, как улицу пересекает толстая негритянка лет тридцати в красном платье с аляповатыми жёлтыми цветами. Женщина торопилась, тяжело дышала и направлялась явно к ним. На ногах у неё красовались разбитые шлёпанцы, на одном из которых не хватало полоски. Растрёпанные курчавые волосы были кое-как стянуты пластмассовой заколкой. С виду это была точь-в-точь уличная продавщица кокосов.

– Что с тобой? Ошунинья? Ты её знаешь?

Ошун, не отвечая, быстрым шагом двинулась навстречу негритянке. Та остановилась посреди улицы, чуть не попав под мотороллер, хозяин которого щедро обругал её. Эву поразило робкое, несчастное выражение лица чёрной женщины. Ошун подошла к ней вплотную; не поздоровавшись, воинственно опустила руки на бёдра, и Эва поняла, что вот-вот грянет скандал. Но толстая негритянка покачала головой, попятилась и заговорила: тихо, просительно, осторожно касаясь пальцами запястья Ошун. До Эвы не доносилось ни слова, но она отчётливо видела слёзы в больших и печальных глазах женщины. Эве показалось неприличным стоять и тарашиться на чужой серьёзный разговор. И она потихоньку ушла.

На другой день, появившись в студии, Ошун обиженно спросила:

– Куда это ты вчера смылась, дорогая? Я тебя звала, кри-

чала полчаса на всю улицу! Договорились вместе идти на пляж, а ты?!

– Мне показалось, что ты... что у тебя важное дело... с той сеньорой.

– Важное дело? С кем?! – расхохоталась Ошун. – Обычные пустяки! Вот что: сегодня, наконец, пойдём купаться!

Они сели в трамвай и отправились на пляж. Там устроились под огромным зонтом, купили мороженого, манго, лимонада. До самого вечера плескались в тёплой воде, болтали, хохотали, засыпали друг дружку песком и жарились на солнце. И всё же Эве показалось, что Ошун не так беззаботно весела, как обычно. По временам на прекрасное лицо подруги словно набегало облако. Но едва Эва собиралась с духом, чтобы спросить, что случилось, как Ошун снова улыбалась и звала её купаться.

С пляжа Эва ушла встревоженной. Дома нехотя прочитала что-то к завтрашней контрольной по истории Бразилии – и села рисовать. Но, как только она закончила наносить бирюзовый фон на шершавую бумагу, в дверь квартиры позвонили. Недоумевая, кто бы это мог быть так рано, Эва вытерла о тряпку руки, откинула со лба волосы и пошла открывать.

За дверью стояла мать в своём офисном костюме, с папкой документов в руках и с озабоченным выражением лица.

– Эва, ты уснула?! Сколько можно звонить? – раздражённо спросила она, отстраняя озадаченную дочь с дороги и быстро проходя внутрь. – Неси сюда! Да осторожнее же, бол-

ван!

Последнее относилось уже не к Эве, а к парню, тащившему вслед за матерью какую-то коробку. Коробка была большой и явно тяжёлой: носильщик сгибался под её тяжестью. Пробираясь мимо Эвы, он повернул голову в красной бейсболке и нахально подмигнул ей. Эва тотчас узнала его. Это был тот самый чёрный мальчишка, которому полгода назад она подарила портрет бабушки. Тот, кого она время от времени встречала на перекрёстке. Эва растерянно улыбнулась, попятилась, уступая дорогу, – и в этот момент мать, развернувшись к парню с какими-то указаниями, толкнула его в плечо. Коробка угрожающе накренилась. Парень неловко перехватил свой груз, испуганно выругался, теряя равновесие. Дона Каррейра, покачнувшись на каблуках, уцепилась за его майку, – и всё это вместе полетело на пол, визжа, гремя и ругаясь непристойными словами. Картонная коробка, рухнув, распалась на четыре части. Внутри оказался белый пластиковый кулер. По его корпусу змеилась трещина в форме трезубца.

– Паршивец! Болван! Идиот безрукий! – кричала мать, разглядывая сломанный каблук туфли от «Макаренас» и порванные колготки. – Зачем берёшься нести, если не можешь ничего удержать в руках! Наверное, вещь теперь разбилась! Пошёл вон, пока я не заставила тебя за неё платить! Хорошо ещё, что магазин даёт гарантию и... Ты ещё здесь, мерзавец?!

Парень поднялся на ноги, морщась и потирая ушибленное плечо. Было видно, что ему очень больно. Тем не менее, встретившись взглядом с Эвой, он усмехнулся и скорчил до того забавную гримасу, что девушка невольно улыбнулась в ответ. И тут же заметила, что мать смотрит на неё в упор, холодно и зло.

– Вон отсюда, потаскуха!

Эва повернулась и ушла. Она даже не обиделась. Вместо обиды в голове скребло недоумение: зачем матери понадобился кулер? В их квартире он был совершенно не нужен. В офисе компании «Луар» этих кулеров было сколько угодно на каждом этаже. Даже если один из них вышел из строя, доне Каррейра не было никакой нужды заниматься покупкой нового лично. Достаточно было отдать распоряжение технической службе...

Эва проснулась среди ночи в холодном поту. Вокруг гремели, обрушиваясь на камни, шурша по гальке, волны невидимого океана. «Я перекупалась?..» – растерянно подумала девушка, осматриваясь в темноте и не понимая: почему шум волн не пропадает, а, напротив, становится только громче? Более того: в него начало вплетаться какое-то странное шуршание, похожее на шум, с которым осыпается песок. Эва потянула за шнурок выключателя – и дико завопила. По потолку и стенам её комнаты, по столу, по папкам с рисунками, между баночками с краской ползали какие-то мелкие чёрные насекомые. На глазах перепуганной девушки их становилось

всё больше и больше. Жучки, как рассыпанные зёрна мака, заполняли комнату. Пола уже не было видно под ними. Дрожая от отвращения, Эва попыталась прогнать их свёрнутым рулоном акварельной бумаги. Но мерзкие жучки всё лезли и лезли из-под балконной двери. Понимая, что пора спасаться, Эва прямо в ночной рубашке выбежала на балкон – и зашла новым воплем, увидев там Ошун. Подруга лежала на полу, запрокинув голову. Чёрные жучки ползали по её лицу, появляясь из полуоткрытого рта, деловито перебираясь через тускло блестящие зубы, срываясь и падая с точёного подбородка... Задыхаясь от ужаса, Эва кинулась назад в комнату... и открыла глаза.

Она лежала в своей постели. Никаких насекомых не было. Комнату наполнял палевый лунный свет. Балконная дверь была слегка приоткрыта, и ветер колыхал прозрачную занавеску. Эва, дрожа и держась за стену, кое-как дошла до кухни и долго, стакан за стаканом, пила холодную воду из-под крана.

Понемногу ей удалось успокоиться. Умывшись и уговаривая себя, что это был всего лишь ночной кошмар и завтра она увидит в студии живую и весёлую Ошун, Эва вернулась в постель.

Она уже начала дремать, когда услышала телефонный звонок. Пищал айфон матери, оставленный на столике в прихожей. Изумлённая Эва посмотрела за окно – там уже розовело небо над крышами. Она встала. Бесшумно, на цыпочках про-

шла к полуприкрытой двери. Она услышала, как мать вышла из спальни и взяла трубку, как, произнеся короткое приветствие, замолчала. И молчала так долго, что Эва даже подумала, что разговор давно закончен. Но, когда она уже была готова потихоньку вернуться в постель, послышался резкий крик матери. Злой крик, отчётливо прозвучавший в предутренней тишине спящей квартиры:

– Ты родила себе дерьмо и собрала в подол чужое! Они все – подонки, все до единого! Не только этот! Твой старший ещё пятнадцать лет назад ничего не стоил! Приходил побираться к отцу! Да, побираться! Тайком от тебя! Что – ты не знала этого? Не знала?! Брось, ты же сама посылала его! Будь ты проклята, шлюха, побирушка, набитая дура! Ты всё заслужила, всё, всё! Всё!

Послышался удар брошенного на стол айфона. Нервный стук удаляющихся шагов. Ошеломлённая Эва постояла ещё немного. Затем потихоньку отошла от двери. Сердце гулко стучало в висках. Ни разу за все свои восемнадцать лет она не слышала, чтобы мать так кричала. «Кто же это позвонил ей? Кто?...»

В «Ремедиос» Эва примчалась, не чуя под собой ног от беспокойства. Но к началу занятий Ошун не пришла. Студенты были удивлены: никогда прежде их натурщица не опаздывала. Сердце Эвы забухало, как отбойный молоток. Она достала краски, бумагу, раскрыла мольберт. Но волнение мешало дышать, и через пять минут Эва, извинившись,

выскользнула из студии на улицу.

И сразу же увидела Ошун. Она стояла у края тротуара, и её обнимал молодой мулат с дредами до плеч. Он сидел на чёрно-красном мотоцикле, который показался Эве знакомым. Озадаченная девушка приблизилась – и вдруг поняла, что мулат вовсе не обнимает Ошун, а держит за шею жёстким захватом, а в другой его руке – узкое лезвие.

Эву словно окатило кипятком. Заголосив во всё горло: «Отойди от неё, скотина!!!» – она набросилась на парня, вцепилась в его сильную, словно налитую каучуком руку и впилась в неё зубами. Мулат, зло выругавшись, отшвырнул Эву так, что та, не удержавшись на ногах, упала на мостовую, – но зато Ошун удалось вырваться. Она, как кошка, отскочила от мотоцикла и, взмахнув сжатыми кулаками, пронзительно закричала:

– Вы сошли с ума! Вы все! И Оба, эта жирная дура! И Эшу! И ты! Я же шутила! Шутила, просто шутила! Неужели она не поняла?! Неужели вы все не поняли?!

– Не прикасайся к ней! – завопила и Эва. Мулат мрачно, без капли испуга скользнул по ней сощуренными зелёными глазами. Мельком Эва отметила, что он невероятно красив. Затем парень что-то тихо и жёстко сказал Ошун (Эва не слышала его слов), сложил и сунул в карман нож, прыгнул на мотоцикл – и унёсся прочь, в зыбкое, дрожащее марево раскалённого города.

Эва бросилась к подруге:

– Ошун! Ты цела? Что он тебе сделал? Кто это?

Ошун сидела на тротуаре, обхватив голову руками и мерно раскачиваясь взад и вперёд. Чёрные кудри скользили между её пальцами, шевелясь, как живые. Эва торопливо уселась рядом, обняла подругу за плечи. Та подняла голову. Губы Ошун были закушены добела. Из-под дрожащих ресниц бежали слёзы.

– Ошун! Да что же это такое! Я вызываю полицию! – Эва выхватила из сумочки телефон.

– Нет!!! – хрипло вскричала подруга, хватая её за руку, – Нет! Нельзя! Не надо!

– Но как же... – беспомощно начала Эва. Ошун вскочила, осмотрелась.

– Пошли отсюда! Да скорей же, Эвинья! Остальных мне только не хватало...

Не дожидаясь, она бросилась прочь. Вскоре её жёлтое платье уже мелькало на перекрёстке. Не задумываясь, Эва помчалась следом.

На трамвае они добрались до пляжа, где ещё вчера так беззаботно купались и объедались мороженым. Солнце скрылось, затянутое тучами. От жары не осталось и следа. Океан был серым, холодным. Волны, – высокие, полные угрозы, – вздымали увенчанные пеной головы и с тяжким грохотом обрушивались на берег. Ошун сбросила платье, оставшись в золотистом купальнике, и ничком бросилась на песок. Донельзя встревоженная Эва присела рядом.

– Ошун... дорогая... Кто был этот парень? Что он хотел от тебя?

Подруга не отвечала. Ветер, налетающий с моря, шевелил её волосы. Эва осторожно погладила Ошун по плечу. И внезапно поймала себя на мысли, что согласилась бы на всё – даже на нападение незнакомого бандита с ножом – лишь бы быть хоть вполовину такой же красивой, такой весёлой, такой лёгкой...

«Почему Ошун такая – а я нет? – внезапно подумалось ей. – Почему меня никто не любит? Никто, кроме бабушки, но она уже умерла... Что со мной не так?..»

– Ты рехнулась, дорогая, разве можно такое думать? – проворчала Ошун, рывком садясь на песке и отбрасывая с лица волосы.

– Что?.. – потрясённо переспросила Эва.

– Ничего! Ты дура! А твоя мамаша – просто сука! Она не любит никого на свете, и ты здесь вообще ни при чём! Перестань сходить с ума, Эвинья: твоя шлюха-мать того не стоит! И ты вовсе не одна, уж поверь мне! – Ошун криво усмехнулась, погладила Эву по плечу. – Скоро ещё собакой взвоешь от этих засранцев! О-о, я-то знаю!

– Я что – говорила вслух?.. – помолчав, осторожно спросила Эва.

– Конечно, – помедлив, улыбнулась Ошун. И, глядя в её заплаканные, вспухшие глаза, Эва поняла, что подруга врёт. И по спине холодными коготками снова пробежал страх.

Ошун села на песке, подстелив под себя измятое платье, обхватила руками колени и уставилась на море. Она уже не плакала – но спокойное отчаяние на её лице напугало Эву ещё больше. Она вдруг подумала о том, что до сих пор ничего не знает о своей подруге. Где живёт Ошун, кто её родители, чем подруга занималась до того, как стала натурщицей в «Ремедиос» – ни о чём этом они никогда не говорили...

Ошун тем временем пристально разглядывала своё предплечье. Эва проследила за её взглядом и вздрогнула: на шоколадной коже подруги надулось тёмное пятно величиной с большую монету. Оно было похоже на укус насекомого.

– Тебя кто-то укусил?

Ошун, не ответив, вскочила и кинулась к морю. Эва не пошла за ней и сидела около получаса, просеивая песок сквозь пальцы и глядя на то, как подруга стоит по колено в воде и налетающие волны раз за разом окатывают её с головой. Это было похоже на какой-то странный разговор с невидимым собеседником, и Эва чувствовала: вмешиваться не стоит.

Наконец, Ошун вернулась: мокрая с головы до ног, с убитым лицом. Когда она села, почти упала на своё скомканное платье, Эва увидела ещё два вспухших укуса: на спине, между лопатками, и на шее. Ещё недавно, когда Ошун убегала к воде, их не было!

– У тебя ещё два...

– Я знаю, – Ошун подняла голову. Долго, пристально смотрела в лицо Эвы полными слёз глазами. Когда та уже

встревожилась всерьёз, тихо сказала:

– Умоляю тебя, дорогая: отыщи Оба. Отыщи эту дуру. И скажи своему брату, что я не хотела этого, чёрт возьми! Оба не сделала бы так, если бы не Эшу! Он виноват во всём! Он, а не я!

– Ошун! – завопила Эва, умирая от страха. Она была уверена, что подруга сходит с ума, или же накурилась маконьи²⁵, или мастерски морочит ей голову, или... – Опомнись! У меня нет никакого брата! Эшу... Оба... Это же имена ориша!

– О! А говоришь, что не знаешь, – криво усмехнулась подруга. Придвинувшись, взяла в мокрые, холодные ладони лицо Эвы. – Я хотела всё сделать сама, но теперь не успею. Передай Эшу, что он – сволочь! Просто сволочь, и больше никто! Был и остался! И... извини, мне пора. Да... Возьми вот это: может статься, поможет. И не бойся ничего. Слышишь, что бы ни случилось – не бойся! Ты в самом деле не одна.

Ошун сняла с шеи жёлтый, расшитый золотым бисером амулет и бросила его на колени подруги. Вскочила и торопливо, дёргая бретельки намокшего платья, принялась одеваться. Эва испуганно следила за ней, не пытаясь остановить. На груди и под коленкой Ошун тем временем появились ещё два пятна. Самое первое, на предплечье, уже наливалось болезненной чернотой. «Может, она чем-то заражена?» – подумала Эва, и по спине пробежал мороз.

²⁵ Маконья – марихуана

– Не бойся, дорогая, – сипло, без улыбки сказала Ошун, стоя перед ней. – Ты не заразишься. Это только для меня одной. Отыщи Оба. И не забудь: Эшу просто сукин сын. Никогда не верь ему, он врёт как дышит!

– Ошун! – уже ничему не удивляясь, закричала Эва, – Где мне найти Оба? Где найти Эшу?!

– На перекрёстке... – послышался слабый, как шелест волн, голос. Увязая в песке, с босоножками в руках, Ошун шла от неё прочь – похожая на ожившую чёрную статуэтку в облаке высыхающих волос. Солнце, выглянув из-за облака, на миг ослепило Эву. Она сморгнула, вытерла набежавшие слёзы – а когда снова подняла взгляд, Ошун уже не было... Нужно было идти домой и готовиться к вечеринке.

...Так и не достучавшись в магазин «Мать всех вод», Эва с тяжёлым сердцем отправилась в школу. Оттуда поехала в студию «Ремедиос» и высидела занятие по композиции, впервые в жизни показавшееся бесконечно долгим и скучным. Ошун не пришла, и Эва ничуть не удивилась этому. Тяжесть в груди становилась всё мучительней. Возвращаться домой смертельно не хотелось, но больше пойти было некуда.

Несмотря на дождь, Эва не села в трамвай. Идя по мокрому городу, мимо ранцветных церквей, старых домов, тележек с фруктами и шумных стаяк туристов, она то и дело замедляла шаг, украдкой осматриваясь на каждом перекрёст-

ке. Втайне она надеялась, что увидит на улице... хоть что-то. Ошун. Чёрного парня с обезьяньей физиономией. Толстую печальную негритянку в разбитых шлёпанцах. Красно-чёрный мотоцикл. Эва была бы рада даже зеленоглазому бандиту с дредами! Но исполосованные дождём перекрёстки города Всех Святых были пусты.

Впрочем, возле самого дома Эве встретился знакомый белый кулер. Агрегат гордо венчал гору хлама в кузове отъезжающего от мусорных баков грузовика. Эва сразу узнала его по трещине в виде трезубца на пластиковом боку. Значит, мать всё-таки выбросила его, мельком подумала она. Зачем только было покупать... Но грузовик уже скрылся за углом, и больше о судьбе кулера девушка не думала.

Едва войдя в прихожую, Эва почувствовала запах. Странный запах, не имевший ничего общего с лёгким ароматом средства для ухода за мебелью или духами матери «Кензо». Это был запах горящих свечей, кофе, кашасы, перезрелых фруктов. У Эвы гулко заколотилось сердце. Последний раз она вдыхала эту пряную, горячую смесь на ферме бабушки, при самом начале макумбы. Такому запаху просто нечего было делать здесь, в квартале Рио-Вермельо, в дорогой и стильной квартире семьи Каррейра! Как заколдованная, Эва поставила рюкзак на пол и пошла на этот запах. Скорей... скорей! Вслед за сладким ароматом маракуйи, за горьким запахом кофе, за манящим душком кашасы – туда, где гулко сту-

чит атабаке и отзывается ему агого²⁶

²⁶ Атабаке, агого – традиционные инструменты, большой барабан и вид погремушки, использующиеся на макумбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.